

САША
МОЛОХ

ОХОТА НА НЕКРОМАНТА

ОНИ ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ...

Саша Молох

Охота на некроманта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546517

SelfPub; 2023

Аннотация

Пожарный борется с огнем, спасатель приходит на помощь в момент смертельной опасности, полицейский охраняет от преступников. А некромант? Некромант делает все, чтобы наши мертвые оставались мертвыми. Чтобы они не перешли из первой формы нежизни в третью, и не превратились в смертельно опасных костяных тварей. Тварей, которые умеют только одно – убивать.

Содержание

Глава 1. Лука	20
Глава 2. Настя	45
Глава 3. Лука	76
Глава 4. Настя	100
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Саша Молох

Охота на некроманта

Пролог

«Первая форма – начало вашей работы. Тело. Оно может дать ответы, оно может убить, оно может стать просто прахом. Все зависит от вас и от того, откуда у вас растут руки. И где находятся мозги.

Вторая форма – склад памяти. Не обманывайтесь – там нет личности, души и прочего. Вторая подконтрольна, но никогда не упустит шанс вас угробить. Не теряйте контроль. Память дает второй форме возможность манипулировать вами. Помните: единственное, чего они хотят – согреться. Утратите контроль – станете грелкой сами.

С третьей формой еще никому не удавалось договориться. Если произошел выворот и вы упустили контроль – бежите. У третьей формы нет памяти, личности и жалости. Только инстинкт: уничтожить того, кто когда-то навредил исходному телу. И она задавит всех, кто встанет на пути. Обычно первым на ее пути попадается некромант. Запомните! Третья форма на свободе – это ваша четвертая форма. И правило тут одно: ноги в руки и звать на помощь.

Ну и четвертая форма. Самое приятное. Она постоянна. Четвертая форма не отвечает, не способна на передвиже-

ние и подвержена распаду.

Четвертая форма – это ваша хорошо проделанная работа.

Ну, или плохо проделанная работа, если в четвертой форме вы сами».

Отрывок из лекции Петровского «Введение в основы некромантии»

1998 год. Раевское кладбище

От облупившейся трубы колонки, из крана которой капала ржавая вода, до ворот было ровно тридцать два шага.

Егор уже пять раз прошел туда-обратно и теперь прикидывал, сколько сантиметров в его шаге. Ну, чтоб потом пересчитать все в метры и предъявить этому полудурку Роме за каждый.

Гребаное солнце еще не село и даже не собиралось – казалось, так и зависло над горизонтом. Последних лучей как раз хватало, чтобы плечи знатно жгло под темной формой, а по спине струями сбегал пот.

Пекло сегодня с самого утра стояло адское. Для мая и здешних мест – необычное. Кликуши по местным каналам немедленно принялись орать про конец света, скорый потоп, метеорит и казни египетские. Особенно уличные проповедники. Эти были самые громкие. Правда, завидев Егора в форме, они затыкались, но стоило ему пройти мимо, как за спиной снова слышалось «Покайтесь!».

На завтра по телику опять обещали тридцать шесть, а значит, нагретый асфальт точно округлит до сорока. Но завтра хотя бы можно отсидеться дома или, плюнув на все, укатить с Серегой купаться на озеро – тот давно звал с собой, вроде у него как раз выходные по нечетным.

Егор еще раз дошел до ворот и обратно и уселся на низкую кирпичную кладку, отделявшую колонку от аллеи. Вода в натекшей из крана луже отчетливо воняла канализацией, и запах напрочь отбивал желание освежиться.

Рома опаздывал на час, и Егор даже предполагал, что могло задержать этого мудака. Наверняка тот никак не мог распрощаться с Каткой. Еще бы! Если б Егору привалило такое счастье, он бы ее на службу с собой брал, чтоб не отрываться, или вовсе бы уволился. Но ему не сvezло, хотя он старался, да! Катя долго мялась, а потом выдала нутужное про друзей и «хорошего человека». Как будто ему легче должно стать от того, что он хороший. Хотя, может, так и есть – у него даже разозлиться на Катю не выходило.

Зато добрые люди вчера рассказали, кому удача привалила.

Егор сначала не поверил – все переспрашивал, как дебил: мол, точно видели, не перепутали? На что его сочувственно хлопали по плечу и клялись мамой, что да, своими глазами, по Новаторов шли, за руки держались.

Егор к Роме ходить не стал. И звонить – разговаривать тоже. Чего тут ходить и о чем говорить? Был друг – теперь

нету. Была любовь – теперь тлен.

Напился вчера, конечно, до белых глаз. Вроде как до полночи с кем-то разговоры тер, но проснулся почему-то дома – с тяжелой, как чугунное ядро, башкой и желанием вылакать если не Онзу, то два ее притока точно. До смены, правда, пришел в себя, даже побрился не порезавшись. И на Раевском стоял ровно в семь.

Один, как идиот, стоял, а Ромы не было. Потому что тот наверняка торчал у Катьки на кухне и пил чай, который она заварила. С мятой. Она всегда делала мятный чай, и это единственное, что не устраивало в ней Егора. Мяту он не любил.

Зато теперь чай ему не грозил – весь чай был готов выхлебать Ромыч. Удобный парень.

Часы на запястье пиликнули, отмеряя очередной час.

Егор пятерней зачесал назад светлую челку и открыл папку с разнарядкой.

И дел-то было – всего ничего: поговорить с уже почившим свидетелем. Сам мужик помер от цирроза пару месяцев назад, поболтать с ним надо было про налет на ювелирный, тоже несвежий – двухгодичной давности. В управе очередное перетряхивание старых папок – начальник сменился, лютует.

Егор проверил шнуровку на берцах, не выдержал – стянул форменную куртку и остался в майке. Все равно никто не увидит, дураков нет – в такую жару по погосту шлаться.

Рома тоже не дурак – вот, не пришел.

Егор снова прогулялся до ворот, в очередной раз убедился в отсутствии присутствия напарника и, сплюнув в пыль, зашагал к указанному в разнарядке месту.

Разнарядка была простая, и второй некромант требовался только для галочки и соблюдения техники безопасности. А какая тут безопасность, когда хочется Ромку под ближайшую плиту подсунуть и домкраты выдернуть?

Лучше уж Егор сам, потихоньку, не торопясь...

На нужной могиле торчал покосившийся временный крест с табличкой, под которым стояли в трехлитровой банке почерневшие гвоздики.

Егор уселся на низкую соседнюю оградку, повесил на зубцы куртку, автомат поставил рядом и постарался целиком поместиться в реденькую тень от куцей березки. В глубине кладбища тени были куда гуще, перспективней и даже на вид значительно прохладней, но работа, к несчастью, лежала с краю – на обочине главной аллеи, на самом солнцепеке.

Уже потянув молнию на сумке, Егор понял: просто сегодня не будет. От жары все заготовки расплавились, и теперь вместо дежурных покрышек в сумке катался единый глиняный ком: жирный и липкий с одной стороны и крошащийся в рыжую пыль с другой.

– Твою ж в доску...

Что такое «не везет» и как с ним бороться?

Сейчас еще по закону подлости Рома припрется и по веч-

ной своей привычке начнет смеяться. Всегда смеется сам и других смешит. Катьку вон насмешил. До горизонтального состояния. Сука.

Гвоздики отправились догнывать в дорожную пыль, а остаток воды из банки помог привести глину в нужное состояние. Не идеал, конечно, но идти до колонки было лень.

На верхнюю крышку Егор потратил больше пяти минут – так долго он не возился даже на первом курсе училища. Злость здорово мешала, еще больше мешал пот, который тек со лба на глаза. Вышло криво – в идеале глиняная основа под печать должна быть ровной и красивой, но на деле с ними особо никто не возился – энергетический контур помогает формировать, и хорошо.

С нижней крышкой промучился еще дольше. Хорошо хоть солнце окончательно скрылось за деревьями. Жаль, духота никуда не делась.

Егор проверил раскладку, раскрыл пробирки с раствором. На минуту прикрыл глаза, стараясь сосредоточиться. Клиент лежал уже два месяца и говорить через рот точно не мог. Значит, станет мысленно орать – они все орут с непривычки, пока поднимаются во вторую форму, а потом у бедного некроманта будет раскалываться голова.

По чесноку, в такую погоду, с такими дерьмовыми крышками, остатками похмелья в башке и отвратным настроением работать в одиночку не стоило. И будь сегодня в напарниках кто другой – Егор бы дождался. Наорал бы за

опоздание, однако дождался. Но человек предполагал, а бог располагал: дежурный, как обычно, впалял ему в пару Рому. Друзья же – не разлей вода. Напарнички!

Егор еще раз сплюнул горькую слюну, резко выдохнул и открыл верхнюю крышку.

Клиент откликнулся мгновенно – заорал как неисправное радио, да так, что Егор схватился за виски: почти уснувшая головная боль разом воскресла и засверлила затылок.

– Кто тут? – надрывался клиент, и ему вторило басовитое гудящее эхо – словно пчелиный улей азбуку учил. – Почему ничего не вижу? Ты где, падла? Я тебя щас достану, гнида. Щас-с-с глаза протру и достану. Почему ж так темно-то! Слышишь меня, урод...

Клиент ревел белугой, не давая вставить ни звука, и Егор решил переждать – должен же этот блатной рано или поздно выдохнуться?

Странное эхо перестало делиться на звуки, менять тональность и превратилось в монотонное мычание. Егор с таким раньше не сталкивался, но у клиентов бывали особенности. В прошлом месяце свежего самоубийцу не смогли поднять даже силами всего отдела – покойник фонил, звенел, как комар, но не вышло. А недавно в морге ЧП случилось: дед-ветеран, от инфаркта померший, сам пошел во вторую форму выворачиваться – оказывается, там диагноз с психиатрией был, и вторая личность решила, что его глава собеса отравила, чтоб квартиру отнять.

Этот вот, уголовник, дополнительно фонил, как трансформатор. Лучше бы вообще только гудел, а не орал – цены б ему не было.

Клиент в голове завопил особенно пронзительно, и Егор сильнее прижал руки к вискам. Что-то щелкнуло, и с запястья исчезла привычная тяжесть японских часов. Батя подарил их на совершеннолетие, и они жутко раздражали всю семью ежечасным тонким писком.

Вслед за щелчком раздался треск и звон – пронзительный и режущий. Тяжелые часы, падая, угодили точно в центр рабочей раскладки и ударили по краю верхней крышки. От толстой, в пять сантиметров, глиняной печати отломилась разом треть. Егор успел подумать, что нормальная крышка такое бы точно выдержала, а значит, это он сам облажался, когда лепил. Шемякин недоделанный.

Голос клиента стал нестерпимо громким, а потом резко оборвался, точно его ножом обрезало, и Егор осознал: пять минут назад день был еще не таким дерьмовым. А вот сейчас наступил полный звездеч. Счет шел на секунды. Куртку натянуть он уже не успевал – схватил только автомат и дернул затвор.

Вовремя.

Временный крест подлетел вверх, словно его пнули снизу, врезался в березу и рассыпался щепой. Впрочем, его и пнули. Хорошей такой лапой, толщиной с две человеческих ноги. Времени определять, передней или задней, у Егора не

осталось – мертвец показался целиком.

Скорость выворота была безумной, видимо, сказалось хреновое настроение клиента и жара. Встал, зараза, как по учебнику, будто рядом топтался наблюдатель от книги рекордов Гиннеса и фиксировал время.

Третья форма. Вставший на ноги клиент. Или просто – вставший.

Егор пересчитал лапы – восемь. Арахна. По-простому – паук. Жаль, что простого в нем – только название. Тварь выбиралась сосредоточенно, быстро и молча. Почему молча – Егор сразу разглядел: человеческая часть, росшая из паучьей спины, башку себе оставила, а вот рта в ней не прорезала – вместо него белела полированная кость.

Зато что-то вроде пасти разместилось ниже, как раз на паучьей части, там, где положено быть хелицерам – кривая щель со смещением под брюхо. Тонкие передние лапки, растущие по бокам от нее, с огромной скоростью стригли воздух. Здоровущие серповидные когти на концах основных опорных лап взрывали рыжую землю, загребая под себя.

Глаз у вставшего снаружи неросло: видимо, сидели глубоко под броней, а на человеческой башке их затянуло ороговевшей кожей. Но зрение твари было без надобности: Егора она учуяла мгновенно и рванулась из могилы, осыпав все вокруг комками глины, песком и мелкой гнилой щепой от гроба. Зацепилась лапой за синтетическую тряпку, которая была когда-то частью похоронного декора, затормозила, вы-

путываясь, но еще больше намотала ткань на себя и начала заваливаться на бок.

Ни рабочих сторожевых печатей, ни готовых покрывок в запасе не имелось: первых Егор не прихватил, а вторые испортила жара. При себе оказалась только слабая печать на удачу в ладанке на груди – ее Егор сразу пульнул твари на задние лапы, стягивая их между собой. Оставалось только стрелять, рассчитывая на стандартные печати, вложенные в патроны на заводе, лишая клиента подвижности и делать ноги.

Вставший с тканью разобрался быстро, выправился, распределяя вес на оставшиеся шесть лап.

Первая очередь легла удачно – ровно по животу человеческой части, почти оторвав ее от паучьего основания. Печати срабатывали с небольшой задержкой, но исправно.

Со второй не повезло: с виду мягкая и вроде бы не покрытая костяной броней, паучья бочина оказалась твердой и многослойной – пули увязли в ней с глухими чавками и пробить не смогли. Раскрывшиеся печати сожгли только верхний слой мертвой плоти, не достав глубже. Даже дискомфорта не доставили: клиент увлеченно старался выпрямить поврежденный торс и заращивал свежей броней дыру.

Повторно стрелять в панцирь Егор не стал – проще разнести верх, где располагалась основная чуйка, потом заняться лапами, а там уже ноги в руки – и до ворот. К машине и рации.

На охрану кладбища надеяться не приходилось. Контора на Раевском стояла вдали от основных аллей, у северной части ограды, мордой на проспект, и с таким прикупом на хвосте добираться до нее – дело гиблое.

Егор угадал. Чужая и слышала арахна человекообразным верхом: после третьей очереди в упор клиент заметался, потерял ориентиры, натываясь на ограды. Но потом предсказуемо перестроился, завалил бесполезный корпус на паучью спину, передвинул что-то внутри себя, нарастил – и молниеносным скольльзящим движением ушел влево, обходя Егора по кривой и выбираясь на открытое пространство аллеи.

Перекрывал самый простой путь к отступлению, тянул время. И отпускать не собирался.

Егор попятился, прикидывая, куда бы еще врезать, и тоже пошел по дуге, стараясь оставить между собой и клиентом хоть пару оград – авось лапами зацепится, даст лишнюю долю секунды.

Вставший полз гигантским крабом: не спешил, двигал пластины брони под плотной как брезент кожей, и так увлекся укреплением себя с фасада, что про брюхо забыл. Егор вскинул автомат, поблагодарил собственное предвидение за то, что прихватил расширенный магазин, и задержал дыхание, выцеливая.

Но в четвертый раз выстрелить не дали: сбоку мелькнуло, осыпало землей, запорошив глаза, и тут же вслед за этим, пока он протирал зенки, врезало со всей дури по ногам.

Боли почти не было – так, отголосок от удара. Только стоять почему-то сразу стало невозможно, и Егор упал ничком на пыльную дорогу, едва успев выдернуть автомат из-под живота.

Сзади защелкало, хрустнуло, и левое плечо пробило насквозь костяным шипом.

Кажется, Егор заорал, потом захрипел, когда расширяющийся к основанию шип двинулся дальше, разрывая мышцы и разрубая с хрустом кость. В голове сквозь пелену боли всплыло то самое гудение и вспомнились слова одного лектора, который читал им в учебке вводную в некромантию:

– На погосте должно быть тихо. Тогда там порядок. Есть звук – есть клиент. Прохлопал звук – считай, помер. В учебниках про это вам не напишут, это слышать надо. Ушами, которые под ребрами. Не услышал – сдох. Ну, или как я...

Прав был умный одноногий лектор. А двуногий Егор – нет. Отвлекся, проморгал, прослушал.

И вопил первый клиент не просто так – глушилкой, гад, сработал. Закрыл второго, замаскировал, паскудина костяная.

Выходит, Егор, как лох из гражданской СПП, на одну печать двоих цепанул – под новой могилой лежало еще тело. И встало.

Вот почему аверс лопнул – на двойной подъем совсем другой запас прочности нужен, да и категории у Егора не хватало – тут требовалась стабильная пятая, а он только месяц

назад шестую получил. С испытательным сроком. И теперь станет он со своей условной шестой стабильным покойником – ни поднять, ни уложить.

Самый важный вопрос сейчас: в кого вторая тварь вывернулась? Если встала на четыре лапы или на восемь – еще есть шансы. Четырехлапый хоть и сильный, но спросонок медлительный: закогтит может, но размажет не сразу, будет долго собираться, вес наращивать. Да и паук к четырехлапому близко не подойдет – будет держать дистанцию. Не любят они рядом стоять.

Егор нащупал курок и приготовился к рывку: шансов было с гулькин хер, но скопытиться вот так, по собственной глупости – да пошло оно все! Он еще Роме морду не набил. Только ради одного этого стоило побарахтаться.

Шип двинулся обратно и вышел с мерзким чавканьем.

Егор заорал, дернулся вперед, рванулся и, уже падая на спину, почти не глядя, наугад выпустил очередь в темную тень перед глазами.

Тень качнулась, наклонилась и потянула автомат на себя, ухватившись прямо за ствол.

Металл застонал, заскрежетал.

Егор снова нажал на курок, уже обреченно, заранее зная – бесполезно. Таковую патроном на пять сорок пять не успокоишь. Эту заразу вчетвером берут, на измор. С высшей категорией.

У тени на голове ветвилась корона, прорастая сама в себя.

Острые зубцы находились в непрерывном движении и напоминали змей, сновали туда-сюда, подныривали друг под друга, изгибались. На тонком скуластом лице застыло выражение полнейшего удивления. Голубые, кислотно-яркие глаза смотрели с детской обидой. Короткая, закрытая броней шея немного портила общую картину – словно вставшая клиентка сильно замерзла и изо всех сил втягивала голову в плечи.

Не четыре и не восемь. Две ноги. Дама в полном вывороте. Определенно, сегодня самый дерьмовый день. Дерьмовей не придумаешь. Зато перед смертью у Егора есть все шансы полюбоваться на один из самых редких видов вставших. Правда, опытом поделиться будет не с кем.

Вторая пара когтистых рук, не обращая внимания на плюющееся свинцом оружие, ухватила Егора за бедро и рванула вверх, подбрасывая.

Полет был коротким и закончился прямо у паучьего брюха. Автомат остался лежать там, у ног твари.

Дама оказалась высоченной, под два метра, и шестирукой, как индийская богиня на обложке книжки с мифами. Две руки – анатомически верные, две росли из живота, там, где у нормальных людей печень, и еще одна пара – мощные и короткие – по бокам на талии. Все шесть заканчивались конусами шипов, один из которых был уже бордовым от крови.

Обычные пули для такой – что щекотка, и заводские печати ее даже не замедлят.

А ведь Рома носил с собой бронебойку... Все хвастал:

мол, у меня на все случаи, хошь на даму, хошь на короля. Гребаный придурок, не мог прийти вовремя!

Зато пришла боль.

Егор даже сначала не понял, что это она – словно молотом ударило в открытую рану, мгновенно перекрывая дыхание. Перед глазами потемнело, затошнило, а потом все внезапно прекратилось. Боль осталась, но из безумной стала терпимой, только под переносицей зачесалось, точно туда пуха засунули, и под задницей стало мокро.

Егор сплюнул кровь в серую дорожную пыль.

Паук зашелестел броней, переступил лапами, пятась, будто тоже опасался дамы. Как оказалось, правильно: она бесшумно и молниеносно возникла сбоку, и Егор сквозь муть увидел второе редчайшее зрелище за сегодняшний вечер – как вставший размазывал вставшего.

Дама управилась быстро, секунд за двадцать. От бывшего блатного клиента остались только куски панциря и куча пульсирующей слизи, которую все равно следовало упокоить. Но делать это предстояло явно не Егору.

Потому что его схватили и швырнули еще раз, опять на живот. Сверху зашелестело, закрипело, раздался легкий неритмичный стук, и следом за ним в уже развороченное плечо снова ударил шип.

Егор захрипел и выгнулся. Почему-то никак не удавалось потерять сознание. Или он уже потерял его, и ему все мерещилось? Ресницы слиплись, их залило чем-то густым. С тру-

дом получилось раскрыть глаза, но мир оказался перевернут. Откуда-то из невообразимой дали к нему по аллее бежал Рома и, похоже, что-то орал. Это он зря силы тратит, отвлечь не выйдет. На то она и дама. Целеустремленная сука.

Рома, не притормаживая, сдернул с плеча автомат. Бежать ему оставалось метров пятьдесят.

Со звуками творилось странное, уши словно ватой заткнули. Егор слышал, как бьют тяжелые ботинки Ромы по гравию, поднимая пыльные облачка, как со свистом дышит напарник, как со скрежетом меняется стандартный рожок с патронами на тот, особенный, с синей печатью, а вот крика не слышал.

Что-то сильно ударило сзади по плечам.

Опять стало очень-очень больно, а потом темно. И все закончилось.

Глава 1. Лука

Заснуть не удавалось.

Грыз назойливый червяк беспокойства. Не проходило ощущение: где-то что-то случилось, или скоро случится, или случается прямо сейчас. Что-то фатальное и непоправимое, после чего небо покажется с овчинку, а жизнь с фитилек.

А он тут пьет, вместо того чтобы разгуливать.

Лука снова плеснул себе на два пальца коньяка в чайную чашку и нажал кнопку включения на пульте телевизора. Топать через полквартиры до бара за бокалом было лень. В таком возрасте и статусе можно себе позволить пить коньяк из чего угодно, хоть из блюдца – репутации не испортишь.

На экране замелькали яркие кадры рекламы. Звук Лука включать не стал. От голосов тошнило. Начальство сегодня так качественно встряхнуло из него все нервы, что даже напиться теперь по-человечески не получалось.

Павел, директор ЗАО «Служба Последнего Пути», вызвал его с раннего, по рабочей мерке, утра – около трех.

И начал компостировать мозг с абсолютно несвойственной ему европейской педантичностью. Сначала порешали стандартные вопросы по поводу снабжения. Потом сверили графики отпусков, чем сроду не занимались. А уж когда дошли до обсуждения заказа канцелярии для бухгалтерии, Лука не выдержал. Встал из неудобного, но модного кресла, от-

крыл дверь, проверил, на месте ли секретарь и не топчется ли кто на пороге, и захлопнул замок. Дошел до единственного в кабинете окна, осмотрел стекла и рамы, потом достал из кармана подаренную приятелями коробочку «с шумом», включил, развел руками и сказал:

– Уж извини, вентиляцию проверять не полезу, но вроде с этим нас никто не прослушает. Излагай. Ты чего дерганный? Конкуренты? Хреновый заказ? А то я не понял – ты работу обсуждаешь или завещание пишешь?

Лука уселся обратно, приняв вид доброжелательной акулы.

Павел, напротив, из своего директорского кресла выполз и залез в сейф, который служил по совместительству баром. Ибо ценнее коллекционного виски в кабинете директора коммерческой СПП ничего не водилось: важные документы хранились в бухгалтерии, доклады работников – в виртуальном учетнике, деньги – на счетах в банке. Еще ценным было содержимое головы Павла, но оно хранению в сейфе не подлежало по причине постоянного использования.

– Кажется, чисто в вентиляции. Никто не слушает.

– А чего ты мне тогда уже сорок минут соломой в уши пишаешь? Давай еще расход мыла и туалетной бумаги на каждого сотрудника посчитаем. Тоже дело. А то чего у нас подтирание задниц на квадратный метр рабочего времени не посчитано.

– Да прах его знает. Ощущения поганые, – признался Па-

вел и пригладил волосы.

Толку от этого было чуть – короткий белобрысый ежик как стоял вертикально вверх, так и остался. Внешность у директора была совершенно противоположной должности. Такому бы не в кресле сидеть, а лет двадцать назад в трехсотом мерсе дела решать – широкий, с шрамованной переносицей, почти отсутствующей шеей и ломанными ушами боксера. Парадоксально было то, что к внутреннему содержанию внешность не имела никакого отношения. Павел, кроме армейской службы и КМС по боксу, имел еще две вышки – по некромантии и юриспруденции – и второй упокойный разряд. То есть стоял на шажочек позади начальника местной некроментуры.

– Вроде и говорить нечего. Я ж не баба – делиться с тобой дурными предчувствиями. Дорогой, мне приснилась красная лошадь...

– Не баба однозначно, не перепутаешь даже в темноте, – Лука демонстративно показал руками директорский размах плеч. – Заканчивай душу ковырять, директор. Не первый год работаем. Что за лошадь тебе покоя не дает?

Работали вместе действительно долго – двенадцать лет.

Павел родился тут, потом рванул учиться в столицу, а спустя девять лет вернулся. Вернее, его «вернули». Отсадили блондинистого широкомордого крокодила от золотых рыбок. Во избежание. Одна из тамошних СПП, размером с градообразующее производство, не выдержала веса его даро-

вания. Придя туда после армии, Павел планомерно сожрал всех начальников отделов, доказав в сжатые сроки их некомпетентность. Где нахрапом, где шантажом, где интригами. Некромант он был прирожденный, из университета на службу уходил с третьим разрядом, из армии пришел со вторым. мог хоть Пушкина поднять на беседу, хоть Гоголя. Лежал бы потом на откате пластом месяц, но поднять бы поднял. Стал замдиректора в двадцать четыре, хапнул медных труб и развернулся. Прогнул под талант всю административную часть. И зря.

Как руководитель Павел был плох. Всех мерил по себе, гениальному, совал в зубы девятой категории задания для пятой, а пятую мог отправить бумажки переключать. От предложенных им новаторств затрещала традиционная схема работы. Пошли срывы у сотрудников, а следовательно – косяки на работе. Раз косяк, два косяк, и сразу закопошились и подняли уши коллеги из полиции. Этим только дай повод: вроде и не конкуренты, а руку вмиг откусят и свою родную лапу на место отгрызенной прикрутят.

Владелец прикинул, что к чему, и настоятельно рекомендовал Павлу уволиться. В других СПП о нем уже были слышаны и резюме разворачивали на подлете под благовидным предлогом. Столица сделала морду кирпичом, и Павлу пришлось вернуться на историческую родину, в Усольск. Вроде и город-миллионник, и СПП крупная, и место – сразу директорское, выше по здешним меркам только силовики,

которым гражданские дела до лампочки, а все-таки глушь и провинция – не особо развернешься.

Самое любопытное, что развернуться согласно натуре Павел попытался и тут, но уперся в Луку, который стал на его пути если не железным занавесом, то бетонной стенкой точно. Луке-то было одинаково положить что на столичные заслуги Павла, что на его же столичные грехи.

После первой же пачки новаторских распоряжений Лука, бывший тогда начальником смены, недолго думая взял Павла за шкирятник и отвозил носом по всему кабинету, как кутенка. Без травм, но предметно. И это несмотря на директорское богатырское телосложение, армейский опыт, разряд и ежедневное посещение навороченного спортзала. Потом усадил в кресло, напоил виски и планомерно объяснил: где, что и как пойдет под плиту, если эти новаторства пустить в ход.

Павел, при всем гоноре, дураком не был, усвоил с первого раза. Да и изгнание из столичного рая даром не прошло – отложилось. Подумал, выпил. Луке налил. Еще подумал. И стал с Лукой не то чтобы дружить, скорее, приятельствовать. И прислушиваться. Поставил на пост второго заместителя и даже выбил у владельца тройной оклад.

А два года назад отказался подписать Луке увольнение – тот хотел карьеру закрыть и уйти в полные частники. Вместо этого снял с общей работы, пихнул в офис и навесил должность консультанта с правом отказа. Проще говоря, все дела

о подъеме, которыми занимались в СПП, сначала проходили одобрение у Луки. И завернуть он мог кого угодно – даже золотую клиентуру, если ему там померещилась пакость.

Сначала Лука смеялся: мол, Павел его талисманом держит. Директор покивал, сказал «угу» и подкинул пару новичков, чтоб дела помогали сортировать. На обучение премудростям. Неофиты были и желали Луке четвертой формы, но через три месяца стали людьми. Лука вновь написал заявление. Павел снова угукнул, пожал плечами, потыкал пальцем в потолок, намекая на давление обстоятельств и происки высших сил, дал еще два оклада сверху, неограниченные полномочия и назначил первым заместителем директора.

Как он протаскивал все почести через хозяина конторы – Лука не знал. Но в результате рядовые работали, старшие смены контролировали, Лука отбирал, кого, где и почему поднимать. И пока еще ни разу не ошибся.

Заполненный третий бланк с заявлением ждал своей очереди в ящике стола. Не дождался – Павел оказался хитрей: добавил свободный график последним кирпичиком. Просто сладкий сон некроманта третьего разряда. От такого не отказываются. Пришлось остаться.

– Говорю ж, не знаю. Предчувствие. Вроде все по мелочам. Тут сплетня, там шепот, – Павел по въевшейся столичной привычке тянул гласные, отчего речь становилась обманчиво ласковой.

Красноречиво забулькало.

Лука от предложенного стакана отмахнулся, откинулся в кресле и прикрыл глаза. Пить с утра – хуже не придумаешь. Но у Павла были свои привычки и особенности. К примеру, долго и нудно излагать горы пустяков и выдать тайну вечно-го двигателя в последнем предложении. Навострился на совещаниях в штирлицев играть. И Луку втянул. Удобно тренироваться: усадил зама в кабинете и полируй навыки.

– Мне недавно Полинка рассказала... – тут директор замялся, а Лука насторожился.

Кому Полинка, а кому – Полина Семеновна, видная женщина средних лет, весом в сто двадцать кило. Под ее килограммами стонал, но работал как атомные часы весь спокойный секретариат МВД. Ее собственный начальник – Каин, полицейский некромант первого разряда – Полины Семеновны откровенно побаивался, как капитан Флинт корабельного кока Сильвера. К ее пухлым цепким ручкам прилипали все сплетни, витавшие в родной структуре. Кто, где, с кем и зачем, почем купили и когда развод, будет ли приказ на повышение и премия – Полина знала все, но делилась картой зарытых сокровищ только с избранными. К Павлу она благоволила, почему – тот не рассказывал. И правильно делал: секрет хорошего отношения «Полинки» на черном рынке мог по цене составить конкуренцию чертежам новейшей боеголовки.

– Говорит, статистику перекосило за последние два меся-

ца. Не парадную, сам понимаешь. Реальную. Выворот в третью форму. Несанкционированный, разумеется. И город, и область. Динамика прет по кривой и не останавливается.

Лука поморщился от казенной формулировки «несанкционированный выворот в третью форму». Будто клиент, прежде чем вывернуться, разрешения спрашивает! Потом прикинул отчеты по отделам и заметил:

– На нас не отразилось. Покрышки ребята стабильно приносят. Можно в учетник глянуть, хотя я тебе и без него скажу: две несданных покрышки за это время. Самоубийца, которому приятель помог, но по воле покойного. Тут скорее эвтаназией пахнет: у мужика рак в четвертой стадии нашли. Заказ на подъем был как раз от приятеля – чтобы невиновность доказать. И второй случай – действительно криминал: муж супругу порешил и в бега подался. Скорая след от инъекции не заметила, решила – сердце. Родственники что-то заподозрили, к нам пришли за день до похорон. Я заказ взял, потому что платили по-царски, да и бабка надвое сказала – криминал или нет. Чистиков клиента поднимал, я страховал, при свидетельстве патологоанатома. Тот мужик опытный, оформил как надо. Законсервировали, аверс в прокуратуру, все чин-чинарем. Дальше парни Каина работали – если там клиентка и встала, то я не слышал. У нас чисто. Может, напутали девочки из отдела статистики? Там не сильно умные цыпочки работают. Пятым размером на клавиатуру легли – цифры и скакнули.

– Осторожнее надо. Нас пока не коснулось, потому что на отрубленную топором голову СПП не позовут. Мы ж коммерческий сектор: наследство, страшные семейные тайны, богатые, но мертвые идиоты и толпы жадных родственников. А там все случаи прямые: огнестрелы, ножевые, имитация самоубийств. Начинают с клиентами работать – а они в третью. Каин забеспокоился.

– Может, просто увеличение общего количества, вот и по третьей статистика скакнула? Типа больше зерен – больше плевел? Районы кто-то делит, а это эхо.

Лука не понимал, к чему клонит Павел. То, что покойники с насильственной смертью в анамнезе сами встают во вторую форму – знают даже дети. То, что вторая без контроля выворачивается в третью – тоже всем известно. А рост статистики означает одно: некроментов в училище стали учить совсем плохо, если у них вторая форма без контроля болтается.

– Лука, вот ты тут живешь чуть ли не с десяти лет, а все как чужой. Если бы бандиты войны устроили – Каин бы первый знал. К нему бы все конкурирующие стороны по очереди бегали, тряслись в приемной и ботинки целовали. А те, кто до Каина не успевал – у нас бы на пороге торчали с чемоданом денег. И катался бы ты на работу на феррари, прямо по купюрам. Тут уже двадцать лет тихо, как в лесу. Кому надо, чтобы во время разборок свежий покойник вдруг встал – ну хотя б костяным валетом? И порешал бы все территориаль-

ные споры одним махом. Это на твоей исторической родине такое нормально. Горячая южная кровь – крестные отцы, виноградники, и у каждого клана свой упокойник первой категории на прикорме на всякий случай. А у нас СПП только в девяностых появились, до этого одна некроментура и была.

– Ну ты-то у нас свой, везде был, все знаешь и послать тебя некуда, – Лука не любил, когда ему тыкали в «неместность». Это пахло последним доводом гопника. Родной южный город он помнил смутно: вернуться сначала не позволяли обстоятельства, теперь к обстоятельствам прибавилась работа и печать о невыезде, как у всех некромантов. Но все чаще мечталось рвануть туда, где солнца и моря поровну, а воздух такой прозрачный, что аж звенит. – Так объясни мне, собаке иностранной, с чего народ друг дружку режет в таких количествах, что полиция не успевает под контроль брать?

– Без понятия. Мое дело – предупредить. Кстати, если б не Поинка, я б про это не знал. За чутких женщин надо выпить, – Павел отсалютовал стаканом, приложился и продолжил. – Лука, ты старый кобель третьего разряда. В некроментах походить успел, в частниках тоже. У тебя опыт, связи, знакомства. На каждом кладбище в три могилы тебя если не сторож, то бабка-плакальщица привечает и пирожков дает. Поспрашивай. Мне меньше всего хочется, чтобы наши офисные незабудки под раздачу попали. Им на всех одного клиента в третьей форме хватит – сразу контору прикрывать можно... Пить-то будешь?

– Нет. Мне еще разнарядки давать. Хочу перетасовать. А то девочки засиделись – когти на рабочем месте мажут, не продохнуть от вони. Пусть в область едут.

– Они тебе этими когтями глаза и выцарапают. Область... Ладно, я в твою кухню не лезу. На мне решение вечных задач – буду думать, куда ушли мамонты, – Павел потер шрамovanную переносицу – память об армейской службе – и махнул рукой. – Иди, правь народом железной рукой, товарищ диктатор.

– А ты будешь мыслить?

– Пить я буду. А потом документы готовить – ежегодный отчет.

– Кстати, а кривая раскрываемости тоже вверх ползет? – спросил Лука, вставая.

– Нет, глухари – птички певчие. Еще немного такого хорового пения, и нашего Каина дернут в столицу на пару с Авелем. Будут учить сольфеджио.

Лука с сомнением покачал головой и отправился раздавать задачи.

Но поселившееся после разговора внутри беспокойство не дало в полной мере насладиться воем тройки фурий, мановением начальственной руки посланных на сельский погост, до которого час на электричке и еще два километра пешком.

Пришлось браться за телефон и ворошить старые связи. Со связями выходило интересно: все что-то ощущали, но без

конкретики, на каком-то метафизическом уровне.

Стопроцентно плохие новости удалось добыть из двух мест. Неожиданных.

Первая птичка прилетела из Ельска, областного городка-спутника. Забавно, что городок был официальным побратимом известного университета. Откуда у заграничной альма-матер это позорное родство, никто не знал, но факт оставался фактом.

В ельском морге работал Степан. Фамилию его Лука запомнил. Парень был пару лет как после вуза. Очень хотел из медиков уйти в некроманты, но талант подкачал. Полный ноль.

Когда Лука по договору привез в морг новичков на стажировку, Степан ему только что ковры не постелил. Поил кофе, таскал пироги. Стажеры ржали, что за их старшим решили приударить: свободу свободным отношениям! Лука подначки пропустил мимо ушей, спокойно, как удав, стрескал подношения, выпил годовой запас кофе и в качестве оплаты нарасказывал Степану пачку баек из жизни некромантов и собственного боевого опыта.

Степан смотрел на него глазами влюбленной таксы и мотал на ус. Потом пару раз звонил, консультировался по поводу подозрительных случаев. По пустякам не беспокоил. Толковый парень, хоть и фанат. Жаль, что бездарный.

Как оказалось, Лука не зря его приручал – интуитивно подстеленная соломка внезапно сработала.

Степан звонку и пошлому вопросу «не вставало ли у вас что?» не удивился, а сразу спросил, надежно ли говорить об этом по телефону. Лука, прикинув счет к расходу, сказал подождать минуту. И перезвонил с запасного телефона, зарегистрированного на одну мимолетную, но приятную знакомую. И дальше только матюгался вполголоса, слушая новости.

С месяц назад в Ельске случилось ЧП. Такое, какого лет двадцать не видывали.

Порешили пятерых – троих выпотрошили, двоих застрелили. Все местные, не старше тридцатника. Нашла их пацанва в яме, на заброшенной стройке, в километре от закрытых шахт. Полиция, срочный транспорт, привезли к Степану в морг.

Подумали на аборигенные разборки: у всех пятерых и алкоголя в крови больше, чем самой крови, и репутация так себе. Двое уже по тройке лет отмотали за кражи, остальные шли к отсидке семимильными шагами.

Из центра срочно вызвали упокойника, хотя все пятеро пока лежали тихо и во вторую форму не торопились. Полицейский некромант приехал час спустя в компании двух судмедэкспертов. Степана вежливо попросили погулять, пока взрослые дяди будут работать. Степан был понятливым, а после знакомства с Лукой – еще и не обидчивым: взял чаек и ушел в вестибюль почитать книжку.

Через час его аж подкинуло от грохота – в подвальной

комнате, где, собственно, и располагался морг, кто-то играл столами в боулинг. Степан спустился вниз вместе с прибежавшим на шум дежурным санитаром.

Вовремя.

Там как раз пятеро в третьей форме уже оприходовали некроманта и добивали второго эксперта. Первый успел не только умереть по причине разорванного горла, но и встать. В компанию к остальным. Как он сумел в течение нескольких минут из первой формы войти в третью – Степан объяснить не мог, но по его описанию глаза у первого эксперта были уже как фонари и ног насчитывалось четыре. Опознал его Степан по остаткам халата.

Санитар, с разбегу влетевший в комнату, получил на излете когтями и сполз по стенке. Степан остатками сознания сообразил, насколько близок к собственным торжественным похоронам, дрожащими руками захлопнул двери и задвинул засов в приваренные снаружи толстые скобы, оставив внутри шестерых в третьей форме, размазанного по стенам некроманта, одного потенциального вставшего и еще живого, но по сути уже мертвого санитаря. Благо, в подвале морга двери ставили еще по общим городским нормам – глухие и металлические, с запорами на всю ширину. Как раз на случай такого ЧП.

Закрыв третью дверь и активировав охранную печать, Степан вспомнил про рассказы Луки и пробежался снаружи здания, развесив слабые дежурные печати на подвальные

продухи: через них, конечно, крупной твари не пролезть, но третья форма бывает разная. Червем выворачивается, правда, редко, но береженого бог бережет.

Лука хмыкнул, мысленно погладив себя по интуиции – не зря он этому вчерашнему студенту упокойницкие байки травил. Парень – молоток, сделал все правильно. Хорошо, что коллегу не принялся сдуру вытаскивать – и сам бы не выжил, и вставших запереть стало бы некому.

Потом Степан хряпнул спирта и под скрежет когтей и грохот таранных ударов в металлические двери дозвонился в МВД. А дальше пил и молился, чтобы двери, засовы и печати выдержали до приезда помощи.

Из города прибыла уже полная штурмовая бригада с начальником. Шесть точно вставших и один предположительный – это тревога областного масштаба.

Судя по краткому описанию главного – молчаливый, около шестидесяти, седина пятнами, – на место выезжал лично Каин. Зачистили быстро, за полчаса. В газеты и интернет про бойню ни звука не просочилось, только короткая заметка в полицейской сводке про найденные на пустыре тела.

Со Степана взяли пачку подписок о неразглашении, похвалили за сообразительность. Откуда взялась такая грамотность в экстренной ситуации, выяснять не стали: то ли знали про знакомство с Лукой, то ли местечковый анатом мало кого волновал. Скорее, второе. Под подпиской про двойную бойню в Ельске он мог рассказать только кому-то с допус-

ком. У Луки такой допуск был. С тех самых времен, о которых сегодня почему-то вспоминалось все чаще.

Вторые вести пришли от тети Лиды, которая на добровольных началах присматривала за погостом в деревне Шушенки.

Деревня была большая: жилых домов штук десять плюс дачи – этих в три раза больше, но чем холоднее, тем реже там появлялись жильцы. Еще столько же пустующих покосившихся домов, чье население уже давно обреталось поровну в двух местах – в городе и на кладбище.

Лука тамошний погост знал как некромантский кодекс: портреты древних старушек, помнивших еще ужасы царизма и принципиально докоптивших до ста лет, чередовались с фотографиями мужиков лет тридцати-сорока, которых сжил со свету зеленый змий. Погост как погост, да и Шушенки были знамениты среди знающих людей не этим. А тем, что за местным кладбищем, через полкилометра жиденького овражистого леска, лежала знаменитая Рассоха.

Место было бедовым. И получать подтверждения директорским предчувствиям с той стороны не хотелось совсем, однако пришлось.

Тетя Лида жила в Шушенках круглый год, к Луке относилась с доброжелательным кокетством – заметила его еще давно, когда их вывозили на Рассоху с первым курсом училища. Тогда на обратном пути отпаивала его и Егора сначала чаем, а когда куратор с группой уехал – самогоном. Потом

устроила ночевать в чердачной комнате, где пахло валерьяной.

Наутро устроила экскурсию по погосту, подробно рассказав о каждом покойнике как о местной достопримечательности. Надо отметить, через некоторое время это здорово помогло. Лука, уже работая в СПП, поднимал там мертвеца годичной давности по наследственной тяжбе – что-то там его дети не поделили. Сплетни от тети Лиды оказались кстати: покойник послушно пробудился, услышав знакомые имена, пришел в хорошее настроение, подробно все расписал и мирно перешел в четвертую форму. Всегда бы так.

Потом тетя Лида отпаивала уже подопечных Луки из СПП, которых он серыми выводил с Рассохи и подпихивал заботливой тетке под крыло. Правда, в отличие от полицейских кураторов, имел совесть и приют своих стажеров оплачивал. Хотя имелось у него подозрение, что постой полицейских курсантов тоже был не бесплатным, а за ставку.

Тетя Лида звонку обрадовалась, деловито сообщив, что сама собиралась позвонить на днях, потому что на кладбище стало худо. Где? Да в Шушенках. На Рассохе? Нет, туда не ходила, а за лесом не видно. Когда? Так два месяца назад и стало, но ей все не до того было – спина подвела. Прихватило здорово, пришлось в больницу ехать. Неделью назад выписали. А на погосте беспокойно, да. Светится погост. Некрасиво светится, зеленым. И вчера светился. Нет, сама не пошла и бабкам местным запретила, они пуганные. Дачники все уже

уехали, только в коттедже семья, но они фасадом в поле стоят – им не видно. Батюшке, который из волостной церкви, рассказала. Он вроде передать должен был куда надо. Статус гособъекта с Рассохи-то два года назад сняли, стажеров не возят, охраны нету – пожаловаться некому. Думала, батюшка рассказал, пока в больнице лежала, а он забыл, наверное, закрутился.

Тетя Лида, чувствуя за собой вину, примолкла. Пришлось утешать и строго-настрого запрещать туда соваться.

– Лидия Петровна, дорогая, пожалейте свой радикулит. В третьей форме он, конечно, пройдет, будете там бродить молодая, здоровая и зубастая. А мне вас потом упокаивать.

– Так светится ж, Рома. Всегда в разное время. Мигает. Ладно я – не дурная, не полезу. А дачники эти из коттеджа? Дочка у них, сразу видно, шепутная, как попугай. И ухажер у нее вида бандитского – вдруг решит поглазеть, что да как... Вот прокляну я этого склеротика, а еще рясу надел, пузо отрастил...

Лука терпеливо дослушал весь диагноз, поставленный местному батюшке, попрощался, нажал отбой и постарался припомнить, какая из многочисленных пословиц подходила к ситуации. Мозг транслировал только мат.

Лука выглянул в коридор и затребовал у секретаря Инги кофе, мельком отметив, что большая часть некромантов, разобрав заявки, расползлась по кабинетам творить отчеты за вчерашние подвиги, а отдел сбора заказов уже скинул до-

бытое в учетник и собирался домой.

Илона, Вика и Слава роились в конце коридора, поджидая Луку на расправу. Роение предрекало нарушение мирного пакта о субординации и тяжелые, но бесполезные залпы флирта. Тройка фурий наперегонки пыталась забраться в его постель с самого начала совместной работы. Наверное, поспорили друг с другом. Иллюзий об обалденной привлекательности сорокалетнего мужика для вчерашних студенток он не испытывал – к такому возрасту верхний мозг думал быстрее спинного. Сегодня оставалось только порадоваться своему внутреннему кодексу, запрещающему служебные романы. Кодекс был написан давно, не столько кровью, сколько нервами, но соблюдался свято.

После того, как еще в полиции за ним закрепилась говорящая кличка «Ромео». Не так чтобы совсем незаслуженно. Ну, почти. Почил владелец одного из авторынков. Фигура знаковая для города: спонсировал мэра и активно участвовал во всем, что приносило доход. Естественно, некроментуре дали заявку на проверку – тут хоть сто патологоанатомов скажут, что у мужика инфаркт от роскошного образа жизни и никакого следа криминала, а поднять все равно требуется. Чтоб сам покойный во второй форме подтвердил. Совсем зеленого тогда Луку назначили на подъем ассистентом.

К несчастью, покойник был женат на молодой и красивой, а от предыдущего брака у него еще и дочка была, тоже весьма миленькая. Дочке Лука приглянулся, и та начала флирто-

вать — названивать вечерами, обещая море удовольствия. За нужное экспертное заключение, разумеется. Вдова, тоже не промах, пользуясь своей очаровательной внешностью, задумала Луке голову за пару якобы случайных встреч, а потом позвала к себе домой. Чтоб между делом получить и удовольствие, и новости. И все было бы славно, если бы не одно «но» — в ту самую квартиру в самый интересный момент заявила дочка покойного.

Чтобы разнять драку, пришлось вызывать наряд. А наряд затребовал объяснений. В итоге Каин, пользуясь тем, что он начальник, ржал аки конь, а «Ромео» к Луке приклеился намертво.

С тех пор Лука крайне осторожно относился к женщинам с работы, работе с женщинами и прочим конструкциям, которые содержали оба этих слова вместе. Только вот боевая офисная тройка об этом не знала, и попыток своих пока не оставляла.

Ну, не все коту масленица: пусть фурии прогуляются в область. Там, конечно, и скучно, и распутица, и чаевых от родственников с гулькин хрен, зато хоть какая-то практика и шанс на мелкие неожиданности. А то девицы благодаря своей внешности с выпускных экзаменов, считай, тяжелее своей смертью ушедшего богатого дядюшки никого не поднимали. Надо признать, с клиентами мужского пола фурии работали филигранно — что с живыми родственниками, что с уже почившими. Первые выбирали самые дорогие услуги по

прейскуранту, вторые охотно болтали с милыми девочками о семейных тайнах. Вот и верь после этого церкви, что души внутри первой формы нет... Хотя, может, и нету – сплошная память и рефлекс на красивых баб стойку делать.

Секретарша сочувственно брякнула чашкой с кофе по столу и предложила бежать через пожарную лестницу. Лука отмахнулся. После разговора со Степаном офисные фурии становились меньшей из проблем.

– Павел у себя?

Секретарь Павла – Инга – своим существованием нарушала все профессиональные стандарты: пухленькая, с пирсингом и татуировками на оголенных частях тела и с феньками на всем остальном. Как работник она была золотом настолько высокой пробы, что Павел простил ей даже два месяца хождения на службу с ирокезом, выкрашенным в изумрудный цвет. Тем более редкие посетители пугались, и в приемной Павла всегда царила уважительная тишина. На данный момент прическа у нее была, как у пони из мультика – чистая радуга. И заколочки с какими-то котиками. Чувство юмора у Инги было странное, с уклоном в такой цинизм, что ее шутки Лука расшифровывал через раз.

– Минут десять, как уехал. Куда – не сказал. Зато поручил вас мне. Приказал беречь, холить и не допускать покушений. Поэтому предупреждаю – сидеть вам тут еще с полчаса, пока вражеская конница не угарцует, – поставила в известность Инга.

В восемь по офису пронесся drobный топот – коллектив разбежался по заявкам. Многообещающе злобно процокав каблуками мимо кабинета Луки, унеслась выполнять неприятное тройка девиц.

Стукнув два раза для приличия, в дверь заглянул старший смены Чистиков – ему сегодня для разнообразия перепало тихое Скворцовское кладбище, а в морг на обычное обслуживание уехали четверо других, с седьмым разрядом. Пусть берут количеством.

– Лука, есть что поверх? – привычно спросил Влад.

– Кроме дурных предчувствий – ничего, – честно признался Лука. – Мне тут нервы накрутили будь здоров. Ты поосторожней там.

Влад удивился, но кивнул, приняв к сведению. Из-за его плеча высунулась Настя Князева и неуверенно уточнила:

– А мне точно на Раевское? Там же девочки обычно.

– Точно. Перетопчутся девочки.

Все-таки не самый лучший из него руководитель, прикинул Лука. Фурий в пригород отправил он, а отольются кошканы слезы Насте. Загрызут девку. Жалко. А девка, в отличие от этих, цокающих, хорошая: тест на скорость соображалки – фишку с псевдонимами у высших некромантских разрядов – прошучила сразу, и первым же делом спросила настоящее имя. Фурии, к примеру, до сих пор думали, что он Лука по паспорту. Ну, правда, ноги у них от этого хуже не становились, мда.

А Настя была милой, симпатичной и неуверенной в себе. Как все хорошие люди. С крепким седьмым разрядом, с видом на шестой – лет через пять. После Чистикова – самой надежной, а уж у Влада опыта и самообладания было как у сенбернара.

Настя Луке нравилась, и если б не гнилой опыт с романами на работе, именно ее бы он пригласил погулять. В парк. Или в кино. Или в театр. Как-то сложно было представить ее в баре или в ночном клубе, где ошивалось большинство его знакомых. Правда, не факт, что она бы на кино согласилась. Все-таки разница в возрасте, да и барышня серьезная...

Настю обычно отправляли к пожилым клиенткам. Старушек спокойная и даже робкая Настя не раздражала, и шанс получить нужный результат вырастал разом вдвое. А отправь, к примеру, Илону к такой вредной бабке, которая по забывчивости завещания не оставила или по слабоумию переписала все на ушлую сиделку, – так тут родственники рискуют вообще с пустыми руками остаться, а СПП гонорара лишится.

В одиннадцать вечера, так и не надумав ничего путного и не дозвонившись до Павла, Лука выбрался из конторы и удалился в сторону дома, где и остался: с коньяком в чайной чашке и с клубком хреновых предчувствий под сердцем.

Телефон молчал. Павел как под плиту канул.

Когда к двум часам ночи от принятого на грудь клубок не только не расплелся, но и начал обрастать колючей прово-

локой, пришлось пойти навстречу своей паранойе и открыть программу учетника на планшете. Программа была толковой, особенно если учесть, что сделала ее государственная контора. Но, видимо, фактор «Memento mori» сработал – напрыглись и для некромантов смастерили прилично, просто и надежно.

Таблица учетника фиксировала привычное. Но... не для этого времени суток. Лука на всякий случай бросил взгляд в угол планшета, где мигали системные часы – они отмерили четверть третьего.

Сейчас большинство сотрудников должны были закончить работать на месте и настрочить краткий отчет, а такие как Чистиков или Князева – уже отоспаться в конторах и ехать домой.

Учетник же показывал дурное: все заступившие на смену двадцать человек из Правобережной ССП еще не закончили первый подъем. Кто-то начал в девять, кто-то в начале одиннадцатого, Настя почему-то позже всех – в полпервого, но графу никто из них не закрыл. А это значило, что дело плохо...

У Луки судорогой свело предплечья, и он с трудом отлепил пальцы от планшета – так и раздавить технику недолго. Выдохнул, размял руки.

Перезагрузил программу, надеясь, что это ее заглобило, быстро создал новый профиль и ввел данные на три подъема и укладки. Данные учетник сожрал и послушно показал но-

вую строку, в которой отчитался за хорошо проделанную работу только что созданный анонимный некромант. Остальные строки остались в прежнем состоянии: словно вся СПП в полном составе, пробудив первого покойника, послала работу лесом и разъехалась по домам.

Лука заблокировал планшет, закинул его в тревожную сумку, которая всегда висела на вешалке у входа. И вопреки законодательству содержала в себе не только усиленный набор для некромантской работы, но и готовое к употреблению оружие: терять время на открытие сейфа в экстренных ситуациях было чревато. Да и на нарушения такого плана в полиции смотрели сквозь пальцы. Свой же. Хоть и бывший.

Лука по-армейски за тридцать секунд нырнул в старую военную форму и разгрузку, схватил с вешалки теплую куртку, а с тумбочки ключи от машины и, перепрыгивая через пять ступенек разом, вылетел на улицу.

Глава 2. Настя

Согласно древней грамоте, которая хранилась под стеклом в запасниках Центральной библиотеки, «шептуна народного и мертвяков держащего» Симеона задрали на Опольном погосте. В одиннадцатом веке, с утра пораньше. По берестяным воспоминаниям современников, Симеону не стукнуло еще тридцати весен, когда его размазала третья форма. Очень сомнительно, что в процессе размазывания, а также по окончании, Симеон был счастлив.

А еще был такой Федул, стрелец на государевой службе. Прославился тем, что в одиночку упокоил растревоженный стараниями коварных врагов сельский жальник. Тридцать мертвецов разом, правда, во второй форме, не в третьей, но тут уже количество перешло в качество. Тридцать первый мертвяк затянул-таки Федула под крышку и отогрелся. Зато стрельца наградили по-царски: и золотом, и соболями, и женой. Но посмертно.

А вот в третьей Арктической экспедиции помощник контр-адмирала упокойник первой категории лейтенант Дубровин ухитрился поднять померших сотню лет назад северных аборигенов. Вечная мерзлота здорово помогла, сохранность – будто вчера на моржа ходили. И не только поднял, но сумел разговорить, перевести и расшифровать их речь. Лингвист прирожденный. Благодаря указаниям мерт-

вещей корабли «Чабрец» и «Цесаревич Николай» смогли вырваться из ледяного плена и первыми пройти ранее неизвестным проливом. Был ли лейтенант Дубровин счастлив от того, что пролив называли его именем – кто знает? Аборигены своего не упустили.

В сравнении с поучительными историческими примерами Настя была вполне счастливым некромантом. Ну, как минимум – живым.

Но тут, как в пошлом анекдоте, имелись нюансы.

Потому что самой Насте казалось, что несчастнее ее никого не найдется.

Началось все с внезапно заклинившего движка у безотказной старой «Вольво». Настя бестолково пропрыгала около машины примерно час, пытаясь воскресить сдохший движок. Не вышло. Машина признаков жизни не проявила. Еще час пришлось потратить на поиск эвакуатора, поездку в сервис и переговоры. Там кричали, что они ей не некроманты – такой хлам чинить. Настя послушно кивала, делала большие печальные глаза и особенно четко ощущала, как в кармане джинсов колет уголком удостоверение некроманта-упокойника седьмой категории. В итоге тачку удалось пристроить в надежные руки только к девяти вечера. И то – без гарантий.

Еще тогда стоило включить мозг и позвонить Луке. Придумать благообразную причину для отгула – протекшую батарею отопления, проверку счетчиков, пожар, в конце концов. Или прямо сказать: машине кирдык, на улице пакость,

а я не железная. Лука бы вздохнул, но смирился. В конце концов, отработать завтра четыре подъема за пропущенные сегодня – ну нет проблем! Но Настя же порядочная, у нее же – ответственность, ей же больше всех надо!..

За первым знаком судьбы был дан второй. Лужа сразу по выходу из сервиса, по которой проехалось колесо КамАЗа, окатив куртку грязной водой.

Но Настя не вняла: отряхнулась и пошла работать. Не в область же ехать, а на Раевское. В черте города, недалеко. Успею просохнуть!

Зря! Дальнейшее только подтвердило общую тенденцию. Судьба как могла предупреждала в открытую, но Настины твердолобость и трудоголизм перевесили чашу весов.

После грязевого душа несчастья пошли кучно, обстрелом. Зонт, как оказалось, Настя забыла в машине. Потом порвались лямки у рабочего рюкзака – сначала левая, потом правая. Пришлось тащить тяжеленного монстра за короткую петлю, которая тоже угрожающе потрескивала. Заказ на такси сорвался: таксист перепутал район и двадцать минут промурыжил, заставляя бродить в поисках мифической машины, которая на деле в это время находилась в другом конце города. Телефон устал от общения с таксистом и сел.

Хорошо, подошел автобус, который так спешил закончить последний рейс, что едва не прищемил ее дверью. А на задней площадке ехала пивная компания, с наслаждением обсуждавшая Настю и ее жалкий вид. Выводы были неутешитель-

ные: шмотки – фуфло, прическа – отстой, и сама она страшная. Очень хотелось вынуть корочки и нагрубить в ответ, но компания в такой степени подпития могла и не распознать удостоверение, а бить стали бы не по пропуску, а по морде. А у Насти отлично работал инстинкт самосохранения. Как у всех некромантов. Пришлось терпеть молча. Но от обсуждений настроение окончательно свалилось куда-то автобусу в выхлопную трубу.

У ворот кладбища деbeatая тетка, торговавшая пластиковыми цветами и уже почти упаковавшая товар в большую клетчатую сумку, хмурo сообщила: ночной сторож ушел. То ли к приятелю, то ли в магазин. Когда вернется – не сказал. И ключа тоже не оставил. И вам, девушка, конечно, видней, но на вашем месте я бы не торчала тут, как береза во степи, а ехала бы домой. Вам еще рожать.

На массивных чугунных воротах злорадно поблескивал новый синий замок. С печатью на боковинке.

Настя в красках представила себе ближайшее будущее.

Последний автобус тю-тю, телефон разряжен, значит, такси не вызвать. Добраться до дома – часа полтора. Зарядить телефон, позвонить Луке и сообщить, что всю работу заперли на замок, цена которому – три рубля в базарный день. Получить нагоняй за то, что не позвонила раньше, разнос за невыполненный план, выговор за нерешительность, а под конец контрольным выстрелом прозвучит тоскливое: «Анастасия, я же на тебя так рассчитывал...».

Последнее было самым страшным. От такого сердце позорно капитулировало в желудок, а самой Насте хотелось провалиться под землю. И не на стандартных два метра, с которых ее любой стажер поднимет, а километра на полтора, чтоб с гарантией.

Разочаровать Луку или получить воспаление легких от ноябрьской холодрыги – это не выбор. Выбор – он между односторонней и двухсторонней пневмонией.

В результате Настя проигнорировала теткино бурчание и спряталась под узким жестяным козырьком ворот.

Положенную по закону крытую остановку, в которой убитые горем или алкоголем граждане могли бы прятаться от непогоды, городская управа зажала. Раевское кладбище не относилось к элитным, располагалось хоть и в городской черте, но на окраине: аккуратно между мусороперерабатывающим заводом и серыми лентами гаражей. Не до остановок тут.

Тетка шумно откашлялась, взвалила на плечо сумку и побрела по лужам в сторону жилого квартала. Видимо, жила неподалеку. Настя завистливо вздохнула. Нет, она не мечтала торговать красными синтетическими гвоздиками, но жить рядом с работой для любого некроманта было сказкой. Недостижимой. Потому что люди категорически не хотели хоронить своих в одном месте, а упорно расползались по всей обширной географии.

Кладбищ в городе насчитывалось шесть плюс крематорий, плюс больничные морги, где шла основная работа, и перифе-

рийные могильники. В области каждый населенный пункт, имеющий на балансе три избушки – три старушки, тоже считал долгом иметь собственный погост.

Упокойников туда звали, понятное дело, из города. В сельской местности некроманты не приживались. Даже те, кто работал с VIP-клиентурой и мог себе позволить прикупить поместье за месячный заработок. Стоило пожить неделю-две в местах, где мало людей – начинались помехи. Талант сбоил. Сначала усиливался, так что могила лесника в трех верстах от дома звенела, спать ночами не давала. Потом приходили головные боли. Заканчивалось все срывами и долгим лечением. А вот жить в городской толкучке – было самое то. Масса живых срабатывала глушилкой, не давала впадать в рабочую концентрацию.

Но на день-два природа не мешала. Напротив, на любом погосте, кроме уж совсем новых и лысых, природы было – хоть ногами отпинавай: деревья, кусты, грибы, ягоды, крысы лесные и городские, мыши, белки, ласки, коты бездомные и домашние, стаи собак особой кладбищенской рыже-серой масти. Словом, полная пищевая цепочка с некромантом на вершине. Правда, некроманты предпочитали жевать на работе бутерброды.

Настя за город выезжала чуть ли не через день. И на выходные, на дачу к друзьям, тоже выбиралась без всякого дискомфорта и со здоровой головой. Лука как-то упомянул, что это связано с категорией, но подробности зажал. Настаивать

на ответе показалось неудобным. Не хотелось выглядеть в его глазах душой.

Ведь если бы не Лука, то она сто лет как ушла бы с этой работы – в архивы, в экспертизу или еще куда-то. Туда, где мозги и знания требуются каждый день, а умение разговаривать с почившими бабками – никогда. Но Луки в архивах не было, он был только в Службе Последнего Пути.

Мелкий дождик, притихший было на полчаса, зарядил опять, постепенно усиливаясь.

Настя подождала, пока тетка растворится в осеннем сумраке, порылась в рюкзаке. Как назло, складной нож провалился на дно, да еще зацепился продетой в рукоятку веревкой за какую-то мелочевку. Пришлось разгружать рюкзак, а потом складывать успевшие намокнуть вещи обратно.

Могла и не заморачиваться – с замком не повезло. С печатью разобралась без проблем – та была рассчитана только на то, чтобы не пропустить внутрь обывателя и не выпустить наружу мертвеца. А вот сам замок оказался добротным и не поддался. Зато хороший нож сломался у самой рукояти.

Сил и нервов на переживания не осталось. Настя выкинула испорченный инструмент, застегнула куртку под самое горло, затянула завязки капюшона и принялась ждать. В конце концов, еще теплилась надежда, что сторож пошел до ближайшего магазинчика и вот-вот появится.

Согласно инструкции по пользованию «мест захоронений со средней степенью риска» охраннику покидать оберегае-

мый объект в ночное время категорически запрещалось: мало ли что могло встать и пойти гулять-убивать, пока сторож бежит за сигаретами. Штрафы за отлучки назначали драконовские, но человеческий фактор никто не отменял.

Незнакомый охранник появился только к полуночи..

Вместо извинений потрепанный жизнью усатый тип в черной форме ЧОПа с желтой нашивкой на рукаве окинул мокрую упокойницу мрачным взглядом и позвенел ключами в кармане.

– Бумаги покажь, – недовольно потребовал он, заправив руки за форменный ремень.

К этому времени Настя промокла и продрогла до состояния собственной клиентуры, так что ей было начхать на вежливость. Она ткнула типу под нос черный пропуск с серебряными буквами «СПП» и сложенный вдвое путевой листок.

– Да на кой мне твои корки? Может, они пять раз на принтере откатанные. Ты мне запрос от прокуратуры дай, с подписями! А то вперлась на ночь глядя на подотчетный объект, а мне отвечать.

Настя аж икнула от удивления. Кладбищенская охрана никогда не требовала показать что-то, кроме пропуска!

– А вы трезвый? – осторожно спросила она, делая шаг назад.

– Дыхнуть? – набычился мужик.

Нюхать сторожа не хотелось, но ситуация складывалась откровенно диковинная.

Полицейские бумаги на руки гражданским упокойникам не выдавались – не возникало нужды. Их привозили из ведомства прямым курьером сразу на порог кладбищенской конторы. И принимали под роспись. Потому что полицейскими делами занимались исключительно некроманты из полиции. Некроментура, проще говоря.

СПП же являлась службой гражданской и никакого отношения к уголовщине не имела. Ночному охраннику при заходе на смену должны были показать запись, кого и где будут поднимать и укладывать. Если коллеги из полиции – то как раз то самое разрешение с подписями, а если из коммерческой СПП – то путевой лист. В нем проставлялся номер договора с родственниками и причина обращения: тяжба по наследству, подозрения в неверности и прочие пакости, которые не давали покоя живым до такой степени, что они продолжали доставать мертвых.

Закончив, гражданский некромант сдавал сторожу копию листа – верхнюю «покрышку», так называемый аверс, который уезжал обратно в ведомство специальным курьером. Полиции гражданские «чистые» аверсы были нужны, как Настиным клиентам зонтик – они копились в течение года, а потом официально уничтожались. Но порядок есть порядок. Если что-то случится, по покрышке прочтут всю информацию о проделанной работе.

Путевой лист, запись беседы и реверс – нижняя «покрышка» – сдавались старшему смены в СПП. Это в стандартном

случае, когда без криминала. Если ж дело оказывалось нечисто – подъем консервировали, вызывали полицию, и на место выезжала уже следственная бригада со своим штатным некромантом. Такого счастья Насте, слава граниту, не выпадало. Она традиционно сдавала покрывки и с чистой совестью шла домой спать.

Сегодня по листку планировались два подъема. На каждый – три с половиной часа плюс час на отдых, час на отчет, и первым автобусом – домой. Но тут судьба подкинула идиотизм со сторожем, который сначала шляется тлен пойми где, а потом требует от нее полицейский ордер. Может, наркоман? Вроде бы не похож...

– В конторе посмотрите, – тут уже Настя вызверилась. Целый день – сплошная невезуха, а теперь еще этот саботажник хочет выставить ее виноватой. – Если сейчас же не допустите меня до могил – я звоню начальнику, он свяжется с полицией. Пусть там разбираются, за какой плитой вам от гражданского некроманта полицейские ордера понадобились.

Про то, что телефон разрядился еще час назад, Настя скромно умолчала.

Вопреки тенденциям дня и общей ауре невезения, блеф удался. Охранник сдал назад:

– Резвая какая, – пробурчал он, но половину гонора потерял. Шагнул к воротам, долго шуршал и звякал замком, наконец расстегнул и положил в карман форменной куртки вместе с цепочкой. – В каком квадрате работать будешь?

Настя заглянула в уже размокшую путевку:

– В одиннадцатом и сорок седьмом. Второй и седьмой ряды. Места шесть и двадцать три.

– Ну иди. Работай...

Насте послышалось тихое «курица мокрая», но ругаться не хотелось. Хотелось побыстрее закончить и уехать домой. Часовой отдых, положенный после подъемов, похоже, накрывался. Обычно отдыхали в фойе контор. Там, где для посетителей ставили короткие диванчики и кресла. Только вот скорбящие родственники старались внутри не засиживаться, и мебелью пользовались в основном дежурные некроманты. Но рядом с этим типом и лишней минуты находиться не улыбалось.

Настя напрягла память, вспоминая, кто тут работал раньше. На Раевском она бывала нечасто, последний раз – месяца три назад. В основном сюда катались три конторские фурии – Илона, Виктория и Святослава. Погост считался беспроблемным, хоронили тут редко и богато. Клиенты были сплошь мужчины самого почтенного возраста, которые и на том свете, и на на этом на фурий реагировали одинаково благосклонно.

От такой работы маникюр не портился, а денег в кошельке прибывало. Мнительные и состоятельные родственники почему-то считали, что если дать упокойнику на лапу лично, а не только уплатить по договору в СПП, то их усопшего поднимут и уложат по-особенному: то ли с танцами, то ли

под музыку. Проверять никто не проверял, смотреть на работу некроманта желающих не находилось. Рассеивать миф дураков не было: в конце концов, чем упокойники хуже могильщиков? А тем за каждый гребок лопаты копейка капает.

Сегодня предстояло поднимать кого-то классом пониже, иначе бы фурии загребли разнарядку себе. И терпит же их Лука! А может, и не терпит. Может, наслаждается...

Насте в клиенты доставались сплошь и рядом женщины. В основном пожилые и ворчливые. Когда она на втором месяце работы попробовала возмутиться такому однообразию, Лука завел ее к себе в кабинет и без обиняков дал расклад. Безопасность – на первом месте. Если к тебе благосклонны клиенты с двумя высшими образованиями – то работай с ними и не чирикай. Хорошее настроение клиента – половина дела. А то лежала себе тетя, которая при жизни на дух невестку-блондинку не переносила, и тут к ней на беседу является Святослава – ноги от коренных зубов, мозгов как у гуппи. Дело выйдет рискованное – и Славу под крышку затащат, и СПП обязательств не выполнит. Не зря же профайлеры в договорном отделе стулья просиживают. Ты пожилых сварливых ведьм раздражаешь меньше? Вот тебе, некромантка Князева, очередная бабка, иди ты к ней Красной Шапочкой и возвращайся с пирожками, то есть нужной информацией. А то, что у тебя категория выше, чем у той же Святославы – такова несправедливая жизнь, ты не в полиции – разрядом меряться. Тут все клиенты максимум пять дней возрас-

том. Им что седьмой разряд, что девятый – без разницы. Не устраивает – пиши по собственному и выход там.

Настя тогда чудом не разревелась, хотя Лука был прав по всем пунктам. Но от этого обида меньше не становилась. Да, по утрам в зеркале отражалась не модель, но вполне себе симпатичная девушка. И стопроцентная уверенность Луки, что Настя Князева как женщина малоинтересна даже дохлой мужской части человечества, по самооценке вдарила.

Самолюбие страдало, но работать в полиции желания не возникало, а больше мест, куда мог податься некромант ее категории, в Усольске не имелось. Всю научную часть перевели в соседнюю область. Поговаривали, будто за границей с карьерой складывалось веселее, но за границ Настя опасалась еще больше, чем полицейской работы. Да и по-честному – скажи ей все это директор СПП, Настя бы и не подумала страдать, а вот от Луки услышать правду оказалось неприятно.

Лука тогда вроде тоже понял, что перегнул: через неделю притащил какую-то раритетную методичку со штампом еще императорской некрослужбы и подсунул Насте вместе с шоколадкой. Методичку Настя сгрызла, а шоколадка так и осталась лежать в ящике стола напоминанием.

Впрочем, это было давно, и на месте ранки уже намотало много бинтов опыта. Иногда выпадало поднимать не только свой размерчик, но и дедушек, зрелых мужчин и женщин. И со скрипом пришлось признать: с бабушками выходило

легче всего. Но вот фурий Настя с тех пор невзлюбила вдвое сильней.

Кажется, охранника, который раньше работал на Раевском, звали Николай, припомнила она. Такой веселый, низкорослый. Все жаловался на преподавателя по сопромату в законченном год назад университете. Все уши прожужжал. Видимо, жизнерадостный Николай не выдержал и уволился, а управа наняла новых сторожей.

Хорошо хоть план кладбища Настя помнила: не потребовалось уточнять дорогу. Оставив за спиной бурчащего охранника, который возился с замком и даже не подумал пригласить ее в контору высушиться и согреться, Настя, подсвечивая себе дорогу фонариком, зашагала вперед по самой левой из аллей, что веером расходились от главного входа,

Не ошиблась: одиннадцатый участок находился в старой части кладбища. Часть захоронений здесь потихоньку переходила в разряд заброшенных, превращаясь в занесенные осенней листвой холмики, зато деревья стояли здоровенные, в два обхвата. Сплошь старые тополя. Шумели над головой голыми ветвями. Под ногами хрустели сбитые прошлым ураганом сучья – валежник перед зимой убрать еще не успели.

Хорошее место для работы, удобное. И просторно: увлекшись, не прихватишь лишнего – кусты, старые ржавые ограды и деревья помешают. Ограды в этом плане работали лучше всего: чем старше и изношенней они были, тем лучше и четче ощущались границы.

Раскоп нашелся быстро: кто-то из работников заботливо оставил около ямы светодиодный фонарь. Наверняка доброжелатель из дневной смены. В сердечность ночного сторожа Насте не верилось.

Могила оказалась неглубокой, клиента добавляли к уже почившим родственникам. Настя уселась на корточки у края, расстелила клеенку, прижала парой камушков. Из отсыревшего рюкзака на свет показали рабочий планшет с программой учетника, два комка рыжей глины, которым предстояло стать покрывками, потрепанная страховочная тетрадь-конспект и одноразовый комплект пробирок.

Куртку пришлось снять и накинуть на две сучковатые палки. Во-первых, она стесняла движения, капюшон ограничивал обзор, а во время работы нужно смотреть в оба. Волосы по этой же причине Настя собрала в пучок: сейчас не до красоты, лишь бы в глаза не лезли. Во-вторых, рабочее место стоило прикрыть от воды, чтобы непрекращающийся дождь не размочил глину в жижу. Перчатки тоже стянула – при замешивании состава требовалась точность, рука в перчатке могла соскользнуть.

Настя заторопилась. По ее расчетам, было уже за полночь. Нехорошее время. Всегда лучше работать до двенадцати – клиенты спокойнее и настроены доброжелательней. Чем ближе к рассвету, тем больше проблем обещал подъем. Клиенты нервничали, ругались, а то и пытались открыть гроб. Иногда успешно. Одного такого сердитого типа Насте при-

шлось успокаивать минут пять, еле управилась. Тип вял и улегся обратно, но еще полчаса ворчал о бестолковых дурах, которых ничему не учат в «ихних тухлых СПП». О том, как потом до утра тряслись поджилки, Настя не рассказывала никому: мужик был крупный, всю жизнь работал грузчиком, и уволочь с собой хилую некромантку для него проблемы не представляло. Хлоп крышкой – и конец карьеры.

Учитывая сегодняшнюю череду умопомрачительного везения, Настя заставила себя открыть страховочный конспект и начала замешивать состав, поминутно сверяясь со старыми записями. Не хватало еще вдобавок ко всем несчастьям в классическом растворе напортачить! Хорошо тем, у кого категория выше – меньше возни. С шестым разрядом распечатки не нужны, и замешивать составы тоже. А выше пятого – и лепка глиняных покрышек сплошная условность. Все, что надо – там, в голове.

Когда в общей пробирке заплескалось черным, а воздух вокруг пропитался лавандой, Настя чуть расслабилась и выдохнула. Вылила часть жидкости на глиняную заготовку и сосредоточилась. Над крышкой медленно проявилась печать – тонкая серебристая геометрически правильная сеть. Мигнув пару раз, сеть стала ярче и развернулась рисунком полноценной печати на пробуждение – не слишком сложной, на обычный подъем.

Настя, еще раз сверив все с конспектом, направила печать на гроб. Сеть скользнула вниз, легко прошла сквозь крыш-

ку, на мгновение высветив контур лежащего внутри тела, и поблекла.

Настя прислушалась. На самой грани слуха и интуиции возник тонкий звук, точно где-то далеко летел комар: покойная начала «фонить», переходя во вторую форму. Значит, все было сделано верно.

Настя открыла планшет, протерла рукавом запотевший экран, ткнула в иконку программы учетника, развернулась к могиле и перегнулась через край.

Гроб родственники выбрали из дешевых – тонкая бордовая ткань, покрывавшая доски, успела порваться в нескольких местах, а бахрома распушилась.

– Екатерина Григорьевна Филатова, – позвала Настя, сверяясь с учетником. – Екатерина Григорьевна, я вас беспокою по долгу службы. Меня зовут Анастасия Князева, я некромант седьмой категории, служба СПП. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

В ответ из могилы дохнуло холодом и сыростью.

– Еще раз приношу извинения за беспокойство и поздний визит, охрана отлучалась – меня раньше не впустили. Но я обязательно напишу на них жалобу, – настучала на сторожа Настя.

Авось клиентка смилостивится, не станет вредничать.

Настя заглянула в досье покойницы. При жизни та была филологом, работала учителем русского языка. Шансы на беспроблемный подъем резко упали: учителя – народ тяже-

лый, а уж мертвые... Иногда Насте казалось, что вся теория некромантии, утверждающая, что у второй формы нет личности, а только память, бессовестно врет. Иначе откуда в клиентах столько вредности?

В гробу тем временем тяжело заворочалось.

– Слушаю, – недовольно отозвалась покойница.

Голос у нее был гортанный, скакал с высоких нот на низкие. Значит, в тканях уже начались изменения. Через три дня речь станет совсем невнятной, а через месяц перейдет в мыслеформу. Но разговаривать с такими мертвецами Насте точно не по чину, тут нужен шестой разряд, не ниже. Вот Лука – тот мог хоть столетнего клиента поднять, расспросить и уложить. А после пойти пить кофе с булочками.

– Учтите, девушка, вы мне не нравитесь. Никогда не доверяла тем, кто способен вломиться в чужой дом среди ночи, да еще с глупыми вопросами.

– Екатерина Григорьевна, прошу простить, работа такая. Ваша дочь обратилась в СПП, заключила договор. У нее есть важные вопросы, связанные с имуществом. Я вам их прочитаю. Ну и раз я вас пробудила – нужно удостовериться в естественности вашей смерти.

– Нет в смерти ничего естественного, – отрезала покойница, качнув гроб. – Отвратительное состояние. Я недовольна. Спрашивайте уже.

Первые шесть вопросов проскочили без заминки. Личность подтвердили. Скончалась дома. Находилась в созна-

нии. В одиночестве. Около пяти вечера. В воскресенье.

А вот на седьмом вопросе забуксовали. Неожиданно.

– Вспомните ваши ощущения за минуту до смерти. Холод? Боль?

– Не помню, девушка, – покойница внезапно зазвучала тише, в голосе появилась растерянность. – Заканчивайте, мне нехорошо. Что-то происходит...

– За три, пять минут?

– Не помню, – уже тверже ответила покойная. Крышка гроба недовольно содрогнулась, словно изнутри по ней гневно стукнули кулаком.

Что-то шло не так. По документам получалось, что родственники просто хотели уточнить какие-то детали, но для помершей своей смертью клиентка слишком буйствовала. Конечно, был один безотказный способ проверить, убили ее или сама умерла: выждать, пока она из второй формы перейдет в третью и пойдет искать виноватого. Жаль только, что рядом стоящего некроманта она первым и раскатает.

Видимо, чтобы оживить воспоминания покойной, у Насти не хватило разряда. Смесь для поднятия была стандартной, без усиления, пентаграммы – тоже для обычных случаев. Да и когда сам некромант промок, замерз, проголодался, ждать запредельных результатов не стоит.

В таких случаях следовало работать строго по инструкции: консервировать подъем и вызывать помощь. А еще последние пару минут у Насти отчетливо ломило шею, что бы-

ло дурным признаком.

— А за десять минут, Екатерина Григорьевна? — уже готовясь сгрести покрывку в кулак, спросила Настя.

— По телефону говорила. Душно мне, нехорошо стало. Окно открыла, — пожаловалась покойница и заворочалась. — А дальше не помню.

Настя досадливо поморщилась — боль с шеи сместилась за уши. Еще минут пять — и начнет бить пульсацией по мозгам, сигнализируя, что пора закругляться и отдыхать.

Но сначала придется закончить тут. Потом идти до конторы, сдавать покрывку и снова топтать в другой конец кладбища до второго клиента. А вишенкой на торте станет общение с ночным охранником: ему же незакрытую покрывку принимать.

День из просто неудачного превращался в лидера отстойного хит-парада. Настя задрала голову и вытерла лицо рукавом — и шут с ней, с тушью, наверняка давно растеклась.

Если бы не общая усталость и шум дождя, она бы услышала шаги. Наверное. Во всяком случае, движение заметить Настя успела, но и только: что-то темнее окружающей ночи мелькнуло справа, а потом со всей дури ударило в спину.

Настя вместе с большим пластом мокрой земли свалилась в могилу, зацепив и утянув за собой и куртку, и рюкзак, и рабочую раскладку инструмента.

Вот тут посреди невезения, которое сегодня можно было кушать столовой ложкой, мелькнула удача — раскоп на подхо-

ронение все-таки был неглубоким, метр с небольшим, и лететь пришлось недолго. Удача мелькнула и пропала: падать на гроб оказалось больно и вредно не только для отбитого плеча и треснувшей дешевой деревянной крышки, но и для жизни в целом. Клиенты таких вольностей не прощали. Вторая форма нежизни, что с них взять. Не зря все религии мира дружно от мертвых открещивались, оставляя некромантам полную свободу действий: мол, мы душой занимаемся, а вы, родные, мясом. Да еще и бешеным.

Настя живо собрала в кучу себя, куртку и рюкзак. Не обращая внимания на боль в плече и замызганную одежду, метнулась к краю ямы. Почти успела – покойница с треском доломала крышку гроба и поднялась в полный рост.

От обычной первой формы, которая смиренно лежит в гробу, вторая отличалась разительно. За бабушку-филолога клиентку принял бы только очень близорукий носорог. И это стало бы последним воспоминанием в его грозной, но короткой носорожьей жизни.

Единственный параметр, который клиенты сохраняли неизменным во второй форме – рост. Бабушка при жизни была на голову ниже Насти, таковой и осталась. Зато возраст исчез: поднятой можно было дать как сотню лет – за длинные седые волосы, укутывающие фигуру плащом, так и десять – за тонкие, мелкие и хрупкие кисти рук, точеные голени и ступни. Изящество портили прямые когти, скорее собачьи, чем кошачьи, не столько острые, сколько крупные. Лицо по-

молодело, по-русалочьи раздвинулось треугольником, глаза запали глубже и поблескивали из-под бровей бельмами. Похоронная одежда таяла, втягиваясь внутрь тела. Вместо нее нарастала белая, тонкая как паутина кожа, закрывая всю фигуру многослойным живым саваном.

Настя взвизгнула и рванула к краю могилы. Если выбрать-ся, то клиента можно еще успокоить. Шансов мало, но есть. Однако чтобы открыть печати, сначала нужно добраться до инструмента.

Швырнув в клиентку курткой – пусть подавится, Настя ухватилась за край раскопа и рванулась вверх. Под ногами хрупнули доски гроба, и с жалобным ультратонким щелчком раскололась под кроссовкой уже законченная глиняная верхняя крышка. Аверс лопнул, и печать, пробудившая и контролирующая вторую форму, погасла.

Звук был страшный, родом из каких-то глубинных кошмаров.

Когда Настю перевели на четвертом курсе с истфака на первый упокойнический, этот звук преследовал ее месяца три подряд. С первого же профзанятия, на котором преподаватель прокрутил группе видео о том, что бывает с неосторожными и неуклюжими некромантами. Кадры были документальными.

Некромант, женщина лет сорока, проводила подъем. Сначала все шло хорошо: обычный клиент, естественная смерть. А потом она зацепила каблуком собственную длинную юбку

и упала на раскладку инструмента.

Снимала происходящее дорожная камера в ночном режиме, установленная через ограду от кладбища. Большинство звуков тонуло в фоновом шуме, но звук лопнувшей покрывки на секунду перекрыл все – пронзительный, тонкий, нетерпимый для уха. Разбуженный клиент поднялся, подумал минуту, пока некромантка пыталась восстановить печать, и встал. На четыре лапы. Следующие пять минут записи были грязными. От некромантки не осталось ничего размером крупнее носового платка. А клиент отряхнулся и пошел гулять. Хорошо, что тошнотворная запись была черно-белой.

Длинные юбки из Настиного гардероба исчезли навсегда, а звук стал приходить в кошмарах через раз. А сейчас вживую дал по ушам.

Настя заорала, не оглядываясь, рванулась выше, выбралась из ямы, откатилась в сторону и сунулась в рюкзак в надежде найти хоть что-то, способное остановить или замедлить клиентку. Помирать без сопротивления было противно, стоило хоть чуточку побарахтаться. Из рюкзака комом вывалились бледно светящиеся размокшие распечатки: суперпрочные пробирки не выдержали падения и последующего топтания и лопнули. Липкий комок бумаги пульсировал нервно и с каждой секундой становился опаснее, чем уже готовая перейти в третью форму клиентка.

Если бабушка могла и хотела размазать Настю ровным

слоем ДНК по площади в три метра, то бесконтрольно перемешанные составы проделали бы то же самое, но на площади в тридцать метров. С воронкой и гарантией. Этакая алхимическая бомба от смертника-любителя.

– Надоело, – устало констатировала из ямы клиентка.

И встала в третью форму. Разом, в рекордное время. Про такое Лука не рассказывал, это точно.

Хрупанье, с которым растянулись, а потом сжались тонкие кости, продрало аж до печенок. Тварь выворачивалась со звуковыми спецэффектами – скрежетом и визгом. В ней прослеживалось что-то от собаки – ну, если бы ту скрестили с Чужим: обтянутый жилами остов, тяжелая морда, зеленые яркие буркала и сплошные зубы, куда ни посмотри. И очень, очень много ярости. Когти во второй форме были неспроста, намекали. Тварь неспешно прогнулась в хребте и с треском распрямилась. Четыре ноги.

Скорость выворота поражала. Наверняка для такого были причины, но какие – Настя уже предположить не могла. Да и не до того ей было.

Она оттолкнулась ногами от края могилы.

Бежать – бесполезно: клиент, вставший в третью форму, в десять раз быстрее человека. Посоревноваться с ним может кто-то в полной военной броне и с калашниковым наперевес, но никак не барышня-некромант без инструментов, без оружия и с ушибленным плечом. Это вам не вторая форма, которая максимум утащит под крышку, будет вещать, греть-

ся, а потом задушит. Третья жаждет крови.

«Хреновый ты некромант, Анастасия. Уволю по причине смерти», – сказал внутренний голос с интонациями Луки.

Себя стало жалко до слез. Живо представились и мамино горе, и торжественное прощание в крематории, и сжигание того немногого, что от нее оставит клиентка.

И никакого тебе посмертия, никаких форм. Некроманты поднимают других, но никогда не поднимаются сами.

Пульсация бумажного кома участилась, словно на него кто-то присобачил таймер из дешевого боевика. Оставалось приложить подобное подобным. И если не получится спасти свою шкуру, то хотя бы снять часть проблем с тех, кому бардак разгребать. Упокаивать вставшего значительно проще, когда ему разворотило грудину и оторвало голову. То есть он даже калечный опасен, но справиться с ним таким куда легче. Единственный минус – сдохнуть вставший никак не может, ибо мертв уже дважды. Только упокоиться через серию мощнейших печатей. Под присмотром трех некромантов.

Размахнувшись со всей силы, Настя швырнула мерцающий ком в клиентку, неспешно выбирающуюся из ямы. Твари прилетело ровно по загревку. Рвануло так, что заложило уши. Настю протащило в сторону от могилы, затормозило о заросли кустарника и прогнувшуюся ограду, а в конце, кажется, даже приподняло и приложило животом об землю.

Очнулась она, как ей показалось, почти сразу, но без часов было не определить, сколько провалялась в беспамят-

стве. Приподнялась на локтях, отплевалась от попавшей в рот листвы, протерла глаза. Зашипела от резкой боли, прострелившей плечо. Села и огляделась по сторонам.

От развороченной, засыпанной наполовину могилы исходило бледное зеленое свечение, словно яма фонила радиацией. Интенсивнее всего светилось где-то в глубине – наверное, туда упала клиентка. К краям могилы свечение бледнело, однако вновь набирало силу у двух соседних захоронений. Следующие четыре – тоже сияли, пятое было темным, потом еще три, и еще. «Фонил» огромный кусок кладбища – от аллеи и до ограды, метров сто в поперечнике. Почти весь одиннадцатый участок.

А в центре этой гирлянды из могил сидела Настя, в ужасе прикрыв рот ладонями, чтобы не орать.

Настя прислушалась – было тихо, никаких посторонних звуков, точно клиентку действительно успокоило взрывом.

Надо было что-то делать: бежать в контору, вызывать полицию, звонить Луке. Но в голове все кружилось, зрение вело себя странно, и предметы вокруг то и дело теряли фокусировку, начиная двоиться.

– Контузило, – прошептала Настя, но постаралась подняться на ноги.

Ее сразу занесло влево, и она едва разминулась уже пострадавшим плечом с высокой оградой. Ухватившись за стальной прут, Настя выпрямилась.

Следовало выбираться из аномалии и звать на помощь. А

ведь, до кучи, где-то рядом ходит тот, кто все это заварил. Тот, кто толкнул ее в могилу.

В первую очередь Настя подумала на охранника – подходящий кандидат в злодеи: решил прикрыть свои отлучки, скинув свидетеля клиенту. Идиот. За дисциплинарное нарушение максимум бы уволили, а тут катастрофой в масштабах города пахнет. И еще остается открытым вопрос: что из аномалии полезет? А главное – как скоро?

Ни на университетском курсе, ни на работе про такие последствия взрыва составов не рассказывали. Хотя клиентка еще до того, как все началось, что-то чуяла...

Настя еще раз осмотрелась: свечение гаснуть не думало, интенсивность не падала, а кажется, даже возрастала. Хорошо хоть тварь, еще час назад бывшая безобидным телом бабушки-филолога, выкопаться не пыталась.

Дождь прекратился, ветер стих.

За оградой проехала припозднившаяся легковушка. Водитель притормозил, заметив зеленоватый свет, а потом так дал по газам, что машину занесло. Резко выправившись, автомобиль с визгом и пробуксовками скрылся. Если повезет, этот пугливый вызовет полицию. Но везение сегодня в отпуске...

Настя отлепилась от спасительной оградки и сделала шаг вперед. Нужно как-то добраться до телефона. Контора отпала: если на нее действительно напал охранник, то явиться к нему с просьбой «дяденька, мне только позвонить» – опро-

метчиво. Есть шансы сразу упокоиться, благо, тут кладбище – везде зарыть можно. Значит, нужно идти к воротам. Далеко, но иначе никак. Периметр кладбищенской ограды ночью под усилением – не подлезешь и не перепрыгнешь. Зато и неучтенный клиент паркуром тоже не займется.

Внезапно под здоровую руку ей поднырнул кто-то большой, насквозь мокрый, пахнувший листьями и землей. Дернул вперед и потащил.

Плечо сразу отозвалось тупой пульсирующей болью, в голове помутилось, затошнило. Не пойми кто волок Настю настолько быстро, что рассмотреть его никак не получалось. Они на скорости миновали фонащий участок, и вокруг сомкнулась непроглядная осенняя темнота. Ноги у Насти заплетались, она попыталась притормозить, но спутник что-то буркнул и сильнее взвалил ее на себя.

– погоди, давай к воротам. У меня телефон сел. Полицию... – Настя попробовала отпихнуть от себя благодетеля.

С тем же успехом она могла пихать мраморный монумент: ее лишь еще сильнее завалили на спину, покрытую жесткой рифленой кожей, и опять поволокли. Правда, вектор направления сменили – теперь тащили к воротам.

Мозг включался медленно: с опозданием, но все же заработал инстинкт самосохранения. Так быстро тащить и при этом даже не сбиваться с дыхания – это из области романтических фантазий. А есть ли оно вообще, это дыхание?

Настя попыталась вырвать руку из хватки, но ничего не

вышло. Пнуть похитителя, извернувшись, тоже не получилось: он просто перехватил ее поперек пояса и закинул на плечо, как пещерную женщину. И все это молча, не реагируя на сопротивление. Настя замерла, повиснув кулем с мукой, и приложила ладони к широкой спине. Пальцы нащупали во все не кожаную куртку, а плотные сегменты пластин. Угадала.

Ее спаситель потому и не запыхался – не дышал.

Вторая форма. Теперь орать Настя уже не стеснялась, но тот, кто ее нес, не обратил на крики внимания, как до этого проигнорировал все попытки вырваться.

Станным было и направление. Любой поднятый тащил бы добычу к себе в могилу, это у них на уровне инстинкта вбито: поймал – неси в нору, крышкой закрой и грейся. Отогреешься – задушишь. Крови вторая форма не любила, брезговала, а теплу завидовала. До смерти. Но стоило поднятому осознать, что отогревается он только снаружи, а холод внутри остается – все, готовь второй гроб, Дездемона. Либо душил, либо ломал шею.

Но Настя была готова поклясться – ее несли к воротам, не вглубь, а с внутренним компасом у нее всегда был порядок. Показалась кирпичная кладка у колонки, которая стояла на входе. Пятно от проникающего через ограду света фонарей.

Внезапно похититель затормозил, замешкался, поудобнее перехватил, сжав уж совсем немилосердно, так что в глазах почернело, и дернул куда-то вверх.

Наверное, Настя снова потеряла сознание. И, вероятно, пребывала в этом состоянии достаточно времени, чтобы странный клиент успел пройти со своей ношей несколько кварталов и сгрузить ее на скамейку на остановке у пустынного перекрестка.

Очнуться Настю заставил холод. Ее трясло крупной дрожью, зубы дробно стучали, а коленки отвечали эхом. Насквозь промокшая, без куртки, в одной кроссовке, без рюкзака, в котором остались удостоверение, кошелек и ключи от квартиры, на лавочке под козырьком остановки. Явно не лучшее пробуждение в жизни. Не зря мудрая мама говорила: не ходи, Настя, в упокойники, иди в секретари. С секретарями небось такого не случается.

А еще в личный топ плохих событий смело можно было записать того, кто сидел перед ней на корточках и внимательно смотрел в глаза. От этого взгляда во рту возникал кислый привкус и накатывала тошнота.

Он сидел, одной рукой упираясь в металлическую лавку, так что та промялась, как консервная банка. Огромный, бронзовокожий, широкоплечий и скуластый. Закованный в костяной пластинчатый доспех от середины груди и ниже. С шипастыми черными наростами на ключицах и предплечьях. Весь в грязевых подтеках. С прилипшими к темным, мокрым, точно масляным волосам березовыми листьями. С тяжелой многослойной короной, которая медленно и неохотно двигалась, то отращивая острые зубцы, то сглаживая их.

Рядом с виском шипы пробили в двух местах мокрый кленовый лист. Надо лбом корона ветвилась особенно густо, выставляя вперед острые иглы рогов.

А он сидел и смотрел зелеными ясными глазами. Стопроцентно и безнадежно мертвый.

Не поднятый.

Вставший.

Третья форма в законченной метаморфозе. Костяной король в полном вывороте.

Некроманты в таком не ошибаются. Только не в таком.

Насте очень захотелось обратно в обморок.

Глава 3. Лука

Белый внедорожник с черно-красной полосой, предупреждающей граждан о своей принадлежности к СПП, завелся без проблем. Уже выруливая с парковки, Лука набрал прямой номер – не из шести стандартных цифр, а из пяти. Трубку взяли мгновенно, даже не дав закончиться первому гудку.

– Каин.

– Лука. У меня ЧП – стоп по всем подъемам. Двадцать сотрудников. В плане – сорок восемь клиентов. Последняя отметка, – Лука заглянул в учетник, – на Раевском, в ноль пятнадцать. Некромант Князева.

– Понял. У нас два сигнала за последние пятнадцать минут. Как раз на Раевском видели зеленое свечение – звонил таксист, мимо проезжал, конкретики никакой, но вроде трезвый. Второй из крематория – общая тревога. Я почти там, через минуту буду на месте. Учетник, как понимаю, тут ни при чем? Программа не сбоит?

– Нет, проверил.

– Тогда ЧП, – на заднем плане послышался визг тормозов. – Твою ж под плиту! Кто тебе права, гниде, выдал!.. Лука, общую тревогу я дал. Свяжись со старшими групп, в черте города все будут на местах минут через пятнадцать. Область – подольше. Ты куда сейчас?

– На Скворцовское. Оно ближе всего, буду там минут че-

рез пять.

– Тогда туда урезанную группу дам. Хоть на тебе людей сэкономлю. Подпевка скоро подтянется, Ромео. Ага, вот и Левобережная СПП трезвонит. Чую, скоро Центральная проснется. Один глубоко не суйся. Понял?

– По обстоятельствам, – Лука дал отбой.

У Службы Последнего Пути при всех недостатках мирной конторы было одно достоинство – она являлась службой гражданской, коммерческой, и напрямую командовать здесь Каин не мог. Но старался.

Вдавив педаль газа, Лука набрал Чистикова, который должен был работать на Скворцовском. Абонент предсказуемо оказался вне зоны. Потыкав дальше по списку, статистику Лука получил неутешительную: из десяти сотрудников у восьми телефоны выключены, двое не берут трубку.

В учетнике по таблице пошли цветные волны – подключились полицейские некроманты, отмечали зоны своих групп. Пока хватало на всех.

На Скворцовское направлялась бригада Марка. Лука его знал, но шапочно. Тот специализировался по массовым древним захоронениям и в основном разъезжал по историческим семинарам да заграничным конференциям. Сейчас, на счастье, оказался в городе. Официально, насколько знал Лука, квалификация у них с Марком была равная – подтвержденный третий разряд. Но на деле выходило иначе: Лука до своего еле допрыгнул, а Марк не так давно собирался брать

второй. Может, уже и получил. И бригада, даже усеченная, у Марка наверняка состояла не меньше чем из пяти человек – некромантов шестого уровня и ниже. Но между шестым в СПП и шестым в полиции разница была примерно как между лайкой и кавказской овчаркой, хотя вроде и та, и та – собаки.

У распахнутых настежь ворот Скворцовского внедорожник затормозил, стирая колодки.

Выдернув из багажника цепь с мощной печатью, Лука в первую очередь захлопнул за собой чугунные створки, закрутил цепью и запер на замок, активируя. Мертвому выйти за ограду она не даст, но беспрепятственно пропустит живых. Потом прощупал периметр: старые печати работали исправно, через забор ломиться никто не спешил. Запасные выходы с тыльной стороны кладбища тоже были заперты: судя по ровному фону, их никто не взламывал и даже не пытался.

Ветер швырнул в лицо дождевую пыль и запах гнили из мусорного бака при входе. Издалека приближался звук сирены – видимо, торопилась бригада Марка. На самом погосте было тихо и темно.

Лука расстегнул сумку, вынул заготовки покрышек, разложил по карманам разгрузочного жилета, сунул туда же пробирки. При его категории глиняные формочки были особо не нужны, но это когда у тебя до хребени времени на то, чтобы четко представить контур печати, а потом его материализовать. А когда на тебя прут, так что лишней секунды нет

– с готовой покрывкой, на которой уже закреплена энергетическая печать, проще и надежнее. Здесь работать придется с колес, и хорошо, если при этом получится стоять на месте, а не носиться кругами по погосту от второй формы, которая пошла погулять.

Для третьей формы, кроме печатей, в кобуре на поясе висел ругер, модифицированный под разрывные пули. Обычные их броню не пробивали. К такому стволу должна была прилагаться полицейская ксива, но для Луки, как и для Павла, надзорные органы делали исключение и старательно жмурились на наличие запрещенных международными конвенциями модификаций. Такие же пушки на поясе полицейских упокойников вообще были штукой, невидимой для зрения.

Если учетник не врал, Чистикова нужно было искать в четвертом квадрате – это по главной аллее до центра и налево.

Скворцовский погост размерами похвастаться не мог: его стиснули между собой жилые кварталы с трех сторон и широкий проспект с четвертой. Кладбище было старым, трехвековым. Тут в изобилии водились такие редкие в здешних широтах звери, как склепы. Правда, со скидкой на менталитет – не европейские мраморные домики с винтовым спуском к могиле, а зарешеченные клетушки под крышей.

Хоронили тут не активно, но стабильно; Лука подписывал по три заявки на выезд в месяц. Место было хлебное. И да-

же с маслом. В основном, сюда ложились значимые персоны: военные в высоких чинах, политики среднего разлива, светила науки и их родня.

Лука направился по аллее вглубь погоста. Шел быстро, не давая себе лишний раз притормозить и прислушаться: у второй и третьей формы чуйка куда лучше человеческой, за полкилометра слышат биение сердца. Захотят – сами выполнят, а ему важно найти Чистикова, живым или мертвым. И еще охранников. В здешней конторе вроде должны дежурить по двое – все-таки исторический объект, а рискованные черные копатели, ради колечка с брюликом готовые не только землю рыть, но и под вторую форму угодить, попадались часто. Что поделаешь, если на здешней почве дураков на сто лет вперед припасено...

В обычной ситуации охрана – это хорошо, а вот в случае ЧП – плохо. Если дела пошли по плите – считай, на территории сразу на две вторые формы больше.

Выйдя на главную аллею, Лука замер.

Кусок кладбища, на котором располагались с первого по девятый квадраты, сейчас больше походил на Бородинское поле через сутки после сражения: земляные валы в два человеческих роста, какие-то кучи тряпья, гнилые доски, осколки надгробий и плит.

Две базальтовые колонны от памятника царскому адмиралу валялись брошенные крест-накрест. Сбоку от них, полусасыпанная черной землей и прикрытая вывороченными

с корнями двухсотлетними липами, лежала статуя ангела с братского захоронения жертв холеры. Рядом валялась железная клетка от склепа, сплюснутая и закрученная узлом. Колумбарий, который стоял раньше позади склепов, раскололо надвое, и вертикальной осталась только одна половина. Вторая лежала, но метрах в двадцати правее.

Ни следа работы Чистикова: от составов обычно оставался стойкий химозно-цветочный запах, часа два держался. А по записям учетника – Влад успел поднять первого клиента.

Лука взобрался на ближайший земляной бруствер и осветил фонариком вниз. Тихо, ни движения.

Если что-то оттуда и вышло, то уже утопало искать пропитания в сторону конторы.

По идее, Марк должен помнить, поднимали ли общий холерный могильник или там все так и остались лежать в первой форме. Как раз по его профилю дельце. Судя по раскученной земле – тут выбралось не меньше десятка, а то и больше. А в холерном рве – около двух сотен. Не факт, что памятник поставили там же, где захоронили. Правда, у холерного давность большая, там прах только, вроде вылезти ничего не должно.

Лука наугад потянул из разгрузки крышку. Прикрепленная к ней печать, слабо светящаяся в темноте энергетическими линиями, расправилась и раскрылась, готовая к работе. Лука прикинул, стоит ли сейчас шиковать или поэкономить, но в итоге решил готовые печати сберечь. Вытянул еще

одну глиняную болванку – недоделанную, сырую, – долепил, прокинул контур, сконцентрировался и закрепил на ней дублирующую печать. Может, удастся прихватить кого-то бродячего во второй форме. И не одного. Заодно и новостями разжиться.

Покрышки показательно нагрелись – второй формы рядом было с избытком. Лука уселся на плечо упавшему ангелу с таким расчетом, чтоб оттопыренное крыло хоть немного прикрывало спину. Закрепил фонарь на мраморной оливковой ветви, которая чудом от скульптуры не отломилась.

Покрутил головой, принялся и сказал:

– Выходи, поговорим.

Слева весело хмыкнули:

– К тебе, такому красивому, только выйди – сразу упокоишь. Или не сможешь? Ты ж вроде не будил. Так, значит, я сама по себе гуляю?

– А тебе нравится гулять?

– Движение – жизнь, – темнота сочилась сарказмом и самодовольством.

Судя по уверенности в голосе, при жизни вторая форма только-только перепрыгнула пубертатный период. Те, кто старше и опытнее, близко к некроманту третьего разряда не подошли бы. Опознали и перестраховались. Либо попытались взять кодлой.

Эта, а Лука был готов голову поставить, что вторая форма была когда-то женского пола, прошуршала по краю насы-

пи и вышла в круг света от фонарика. Так и есть – мелкая клиентка, лет пятнадцать было, наверное, когда откинулась. Любопытная, как енот. Но уже в костяной короне, а это хреновый знак.

Нет, никакой короной эти наросты по сути не являлись, но издалека напоминали венец – толстые, больше схожие с лосиными рогами пластины обычно вырастали из висков или основания шеи и закручивались вокруг головы, давая лишнюю защиту. Возникали не у всех, но стабильно означали, что из этой второй формы скоро вылупится третья – и из неприятных.

У восьминогих и змееподобных, вставших в третью форму, короны появлялись зачаточными, почти незаметными. На четырех ногах – уже побольше, но эти ребятки и были опасней. Ну а самую красоту таскали на себе двуногие вставшие – от валета и до короля. Тут разнообразие было и в качестве, и в количестве. Жаль, что после упокоения короны не сохранялись, рассыпались прахом. Так что полюбоваться ими можно было только в учебниках и исторических трактатах, которые с таким упоением изучала Настя Князева.

Хотя Лука и тут отличился – настоящую корону на даме успел увидеть. Еще тогда, давно. Повезло, да.

– Поговорим? – спросил Лука у клиентки и зажал в кулаке горячую покрывку. Хорошо хоть про перчатки не забыл.

Судя по температуре и неприятным ощущениям под ребрами, клиентов рядом было штуки три. Все во второй фор-

ме. Терпимый расклад: случись их больше пяти, пришлось бы туго.

– А чего мне с тобой болтать? Об тебя не согреешься, ты вон какой сильный, – клиентка опустила на насыпь, наверняка по ее мнению соблазнительно закинула ногу на ногу и откинулась на костлявых руках, демонстрируя пульсирующую пергаментную кожу на животе. – И старый слишком. Да и брюнетов я не люблю. Не любила. Но я тут не одна такая. Другие придут, когда закончат там, – показательно махнула в сторону кладбищенской конторы. – Хоть погляжу, из чего такие, как ты, состоят. И точно ли не поднимаются? Или у вас чего другое не работает?

Хорошо, что молодая. Глупая и разговорчивая. С отличной памятью – вкусы свои помнит и пока им следует. Значится, «другие» у нас в наличии. Лука прикинул, что по времени успевает, положил на колено готовую печать, размял двумя пальцами запасной комок глины, мысленно накиннул линии пентаграммы и через секунду сжимал в ладони готовую замыкающую крышку.

– Что, упокаивать меня будешь? – покойница кокетливо поправила корону. За время разговора на ней понаросло зубцов, и теперь голова клиентки больше напоминала дикобраза. – Не выйдет, гроб-то мой – того, по кускам разнесло. Бездомная я. Несчастливая. Может, времянечку найдем и погреемся, дядечка? С облезлого старого упокойника хоть тепла кусочек?

Говорила клиентка хорошо, четко – значит, умерла не больше двух недель назад. Но с какого перепуга помершая своей смертью шмакодявка явно готовится встать? Девчонку, прежде чем похоронить, наверняка вдоль и поперек проверили – уж больно возраст стремный для кладбища.

– Может, и погреемся, вон ты какая симпатичная, – покладисто согласился Лука, вылепляя еще две покрывалки, потому что запас карман не тянет. Четыре готовы – печати на них развернутся в нужный момент и сделают мертвое мертвым окончательно. – Только я один, а вас трое. Как делить меня будете, девочки? Или там уже мальчики? А если другие подоспеют, вам и вовсе ничего не достанется. Придется сидеть, ждать следующих горячих.

В горле запершило, дышать стало сложнее.

Единственное, за что Лука не любил свою рабочую интуицию, так это за ее физические проявления. Чуть приближение третьей формы – полезный талантик. Без него выше пятого уровня не поднимешься. Но хотелось менее жестких проявлений – пусть там загривок чешется или в ухе звенит. Впрочем, тут у высокоразрядных упокойников все было индивидуально. Иногда даже с перебором индивидуальности. Когда-то Лука знал одного некроманта второго уровня, ощущавшего клиента, готового встать, тем самым органом, на котором половина матюгов основана. Некромант мрачно пил водку на кухне у Луки и жаловался: мол, перед покойниками неудобно. К тому же не дай бог родственники работу

проверить задумают, а у нас тут все стоит? И клиент в том числе.

У Луки было проще и сложнее одновременно. Начинались проблемы с дыханием, и чем ближе был выворот – тем сильнее становились проявления.

Со спины активно завозились, готовясь к прыжку: кто-то крупный, судя по звуку.

Дальше лясы точить было рискованно, но маленькая болтливая клиентка всерьез заинтересовала, и ее нужно было оставить напоследок. Лука закончил еще одну пару покрышек, положил печати на колено, сжал в руке набор пробирок, запуская реакцию, и схлопнул печати разом на трех парах.

Полыхнуло знатно.

В богатой на неожиданности практике некроманта третьего разряда так сверкало только раза три. На заре карьеры, когда с перепугу вложил тройную дозу энергии в простейшую крышку. В тот клятый вечер, когда он опоздал и видел, как Егора убивала вставшая дама из неучтенной могилы. И лет пять назад, когда клиентка – трогательная самоубийца – покорно все рассказала, а затем без причины вывернулась и начала вставать. Это потом уже психолог Службы сверился с личным делом и нашел портретное сходство между Лукой и виновником самоубийства. Чистое совпадение, но в копилку опыта легло славно.

Две пары глиняных покрышек пыхнули жаром так, что прожгли толстые перчатки. Не зря закрестовал печати с за-

пасом и пробирки тоже пустил в ход усиленные: хрен бы что вышло с обычного набора.

Клиенты попались крупные, больше обычных, этакие братья Поддубные от гробовой доски. Коронованная шмакодявка на их фоне смотрелась Дюймовочкой. Один упал позади, прямо на ангельское крыло, доломав несчастную статую, извернулся в агонии и только потом слег в четвертую форму.

Второй же просто отряхнулся от печати – сетка сверкнула стальными паутинками и с тонким треском полопалась, – рывком перевалился через подножие статуи и секундой позже жадно водил руками по мрамору, который нагрелся от задницы Луки. Бельма, прикрытые загнутыми внутрь скулами, мешали ему четко видеть цель, а вот тепло он чуял прекрасно.

Лука предусмотрительно важную часть тела от загребущих лап убрал – обратно за ангела. Начались гонки с препятствиями: клиент бегал вокруг, пытаясь ухватить хоть за что, некромант уворачивался, стараясь вылепить новую пару печатей.

Кстати, клиент был на удивление молчалив – обычно вторая форма фонтанирует красноречием, чтобы приманить поближе. А этот молчал и пер, как панцирная пехота. Да и походил больше всего на бронированного рыцаря: костяные пластины закрывали его спереди по самую шею, со стуком сходясь и расходясь во время движения. Сзади пластины топорщились гребнем и продолжали расти; минут пять – и кли-

ент станет похож на стегозавра. Тусклые бельма виднелись из-под пародии на рога. Мужик явно готовился встать, но на бегу ему делать это было несподручно. Значит, продолжаем движение, которое жизнь, если верить мертвой шмакодавке.

— Прям спортивное обозрение. Олимпиада. Сейчас вывернусь и помогу, — голова клиентки уже клонилась вперед под тяжестью костяного частокола.

Лука почувствовал, как под грудиной, выше солнечного сплетения, разгорается жар — сухой и ровный. Дышать стало в разы сложнее, сырой осенний воздух сразу показался обжигаяще холодным. Близко, однако. Пара вариантов на выбор: либо клиентка, либо клиент. И в запасе, судя по интенсивности жжения, не больше двух минут.

Пришлось накидывать сеть прямо на бегу — еще пару кругов с ощущением крепкого пинка под дых, и ежей, зашитых в легкие, Луке было точно не выдержать. Легло не слишком ровно — в видимом только некроманту диапазоне линии печати почти целиком оплели голову и торс покойника, а вот на ноги не хватило. Лука плюнул на красоты, дослал дополнительную сеть вниз, почти не глядя, и схлопнул покрывки.

На второй раз сработало — тлен пойми почему, хотя заготовка и была в разы кривее первой. Покрывки нагрелись, запечатывая форму навечно. Клиент свалился как подрубленный, втягивая в себя броню, рога и прочие излишества, четвертой форме не положенные.

— Ох, прах тебя дери... нашелся его превосходительство, —

пробормотал Лука и остановился над телом, упершись в колени руками и пытаясь выровнять дыхание.

Хорошо, что курить бросил, а то бы сейчас только сипел, как спущенное колесо. Жжение отпустило – значит, с клиенткой можно было не торопиться и позволить себе передышку.

В четвертой форме легко опознавался адмирал – военный мундир лохмотьями, потемневшие награды, строгая и благородная дохлая морда. Которая прямо на глазах утягивалась, сохла, съеживалась, с огромной скоростью проходя стадии, которые у природы заняли бы месяцы. Запах гниения ударил в нос – такой сильный, что даже давно привычного Луку скрутило в спазме тошноты. Ударил и тотчас развеялся. Мундир дотлел, остались обрывки. Награды, растеряв каменья и блеск, опустились на землю рядом с ржавой саблей и погнутыми ножнами с кортиком. От второй формы, которая еще минуту назад гоняла Луку, как медведь селянку, остались темные разрозненные кости и зубы.

Да уж, сто пятьдесят лет в могиле – не фунт изюма, бесследно не проходят. Наконец на ум пришла пословица, которая всю ночь крутилась на периферии сознания:

– Вот тебе, бабка, и Юрьев день! – Лука с размаху сел обратно на остатки ангела.

За пределы нормального происходящее выпирало все больше и фактурнее. Как-то сразу перестала казаться странной неучтенная шмакодявка с короной – шут его знает, в ка-

ком году ее зарыли. Вопрос теперь был в другом: за каким хреном поднялись давно сгнившие кости? И какая сволочь провернула такой силы обряд? Или это аномалия? Типа пришельцев.

В пришельцев Лука не верил, но и таланта поднимать то, что стало прахом, за коллегами тоже не замечал.

Первый разряд подразумевал возможность разговора с давно усопшими. Да, чем опытнее был упокойник, тем больший промежуток времени мог охватить. Лука подозревал, что для Каина не проблема разговорить и опричника, а его близнец по разряду Авель, заседающий в прокуратуре, мог копнуть еще лет на триста глубже – главное, чтоб сохранились какие-то кости, с чистым прахом побеседовать не получится, будь ты хоть трижды первого разряда.

«Поговорить» – было скорее жаргонным термином, чем фактом. По сути, некромант кости такого возраста читал: вытягивал из останков, поднятых в распадающуюся вторую форму, остатки памяти. Сил на это уходила масса, и при частом использовании такого чтения вероятность инсульта возрастала в сотни раз.

Сам Лука мог разговорить двухсотлетнего клиента – специально проверял свои пределы. Кстати, пределы были на пятнадцать лет больше, чем положено по разряду. Мелочь, а приятно. А вот поднять, нарастить на кости мясо, да еще и круги заставить нарезать, как молодого сайгака... Здесь пахло или фантастикой, или катастрофой.

На всякий случай Лука поковырял ботинком останки первого упокоенного клиента: тот в земле пролежал меньше, чем адмирал, но тоже достаточно – такое не поднимается в законченную форму и уж тем более не встает. Иначе бы весь земной шарик с самого появления человечества находился бы на осадном положении, а некромантам ставили бы храмы, резали девственниц и несли в дар последнюю рубаху. Как единственным спасителям.

Но «невозможное» плевать хотело на свою несбыточность и продолжало происходить.

Оставалось верить собственным глазам – на Скворцовском поднялись покойники вековой давности. А значит, появились шансы дотянуть до храмов с жертвоприношениями. В красках представив себя на троне с пучком девственниц в одной руке и стопкой последних рубах в другой, Лука ухмыльнулся.

– Не получается, – пожаловалась клиентка. С короной она перестаралась – тощая шея теперь еле удерживала костяные заросли.

– И не получится, – заверил Лука, выравнивая последнюю покрышку и накидывая предварительную сетку. – Расскажешь, с чего все началось?

– Иди ты, дядя, лесом, – тихо отозвалась клиентка, тратя все силы на удержание короны и одновременно пытаясь встать с насыпи. Сетка ее движения замедляла, не давая особо резво скакать.

Но дело было не в покрывшке. Похоже, поднимались все трое покойников в связке, с зависимостью, и упокой адмирала и второго мертвеца шмакодявку ослабил сильнее, чем все ухищрения Луки.

– Деточка, я дядя недобрый. Могу сделать все быстро, а могу долго. И больно. Давай поговорим. Ты ж понятливая. Хоть и мертвая. В третью тебе уже не перекинуться – я не дам.

Шмакодявка сдалась, уронила голову на землю и устало прикрыла бельма:

– И не жалко тебе меня? И не пожила толком, и походить не дали. Холодно очень. Под землей холодно, мерзло. Лежишь там себе, слушаешь, как живые наверху колобродят. Разговаривают, плачут, смеются. Целуются даже. Лежишь и думаешь: почему они там, а я тут?

Лука на треп не купился – клиенты болтать горазды, на жалость давить тоже. Перекинуться она, конечно, не может, а вот если неосмотрительно ближе подойти – удавить постарается.

– Вы втроем очнулись? Разом? – начал допрос Лука.

Со стороны ворот коротко вякнула сирена и замолчала: команда Марка должна была появиться с минуты на минуту.

– Да. Проснулась в яме. Гроба нет, зато корона и двое рядом. Хорошие, сильные. А ты их...

– До меня тут работал еще один некромант. Видела?

– Нет, – клиентка злорадно блеснула бельмами.

Врать вторая форма не умела, а вот морочить и недоговаривать – запросто. Могла и не видеть, зато слышать и чувствовать. Стерва мелкая.

Лука злился – на клиентку, на себя и на ситуацию в целом. А злость работе мешала. Не зря же сам внушал зеленым стажерам: вторая форма – не человек. Там нет личности. Да, клиенты способны говорить и думать, у них есть дар убеждения и стопроцентная память. Помнят все от рождения до полета мухи вокруг лампочки в момент последнего удара сердца. Но хочет вторая только одного – согреться. И желательно о живую грелку. Вот почему близким покойника категорически запрещено присутствовать при подъеме. Начнет деточка жалобно мамку звать, мамка сдуру в могилу и сунется. А через мгновение уже остывать с переломом шеи будет.

Плита с ней, со шмакодявкой! Сейчас допросит и уложит обратно. С гарантией. Влад и без нее найдется.

– Третья форма, которая там, у конторы. Сколько их?

– Других? – клиентка откровенно наслаждалась, тянула слова и говорила нехотя, с ленцой. – Трое. Размажут тебя, как червяка.

– Как выглядят? На двух ногах, на четырех?

– Двое – на четырех. Еще один – на восьми.

Лука ругнулся: четыре ноги – отличная мобильность. Иметь дело со вставшим на восьми ногах проще, чем с тем, кто обернулся в костяного волка или кабана. Хорошо хоть двуногих нет.

– Имя, фамилия, дата рождения, дата смерти, – Лука сыпанул стандартными вопросами.

Клиентка не подвела – огорошила. Скончалась в четырнадцать от рака крови, в больнице. Потому и осталась в первой форме: с подтвержденными документами из больницы не поднимают – без претензий к лечению со стороны родственников никто лишней работы делать не будет. В земле провела сорок два года. Подняться сама по себе не могла точно. Однако ж нате вам!

Лука приготовился закрыть крышку: тратить и дальше время на шмакодявку не хотелось – юлить будет до последнего. Марк был уже на подходе, и впереди светила разборка с тремя вставшими. Трое – это серьезно даже для полной группы. Да еще невесть сколько второй формы по здешним ямам шатается.

– Торопишься? Думаешь, я – это проблема? Вот ты сейчас вдаришь – и нет меня. Все сроки вышли, – неожиданно серьезно проговорила клиентка и с усилием вздернула голову вверх. – Я не проблема. Нет, дядя. Но будет тебе проблема. Уж я-то чую. Идет...

Когтистая лапка вытянулась, указав куда-то ему за спину. На детские фокусы с «обернись» покупаться было глупо, и Лука сначала закрыл крышку, наблюдая, как болтливая клиентка оседает мусорной кучей, и лишь потом поднялся на ноги.

Со стороны ворот приближались лучи фонарей. Пожалуй,

стоило пойти Марку навстречу. Переть на троих вставших в одиночку – сумасшедших нет.

Лука обогнул ангела, который сослужил ему такую полезную службу, и только тогда увидел, о чем говорила клиентка.

Холерный ров действительно существовал, но был не перед, а за памятником. Узкий как кишка котлован начинался почти у самого постамента и тянулся еще метров семьдесят по центру аллеи, как раз между двумя рядами толстенных лип.

Сейчас ров, отсвечивая бледно-зеленым, медленно проваливался сам в себя. На дне клубилось, трещало и ворочалось. Луч фонарика выхватывал только детали, но и их хватало для того, чтобы ощутить жгучее желание взять ноги в руки и дать ходу. Но Лука застыл, как кобра перед заклинателем. На его глазах рождалась из земли и праха легенда, датированная аж шестым веком, если не подводила память.

Тогда встала чумная яма, в которую скинули двадцать три тела, умерших якобы от мора. Через три дня весь город был в курсе, что мор тут был ни при чем. Летописец из Византии старался подбирать правильные слова и благодарил Господа через строку, но все послание отчетливо пропиталось пережитой жутью. Тогда победа над бедой стоила империи пяти некромантов и пары кварталов. Вместе с жителями.

А тут – на тебе! Современность, смартфоны, планшеты – и такой раритет из земли прет. Жаль, Насти рядом нет – у нее весь стол рабочий завален статьями про всякую мифическую

клиентуру. Полюбовалась бы живьем.

Здесь и сейчас холерные останки вставляли очень медленно и нехотя. Смерть от болезни была хоть и ненасильственной, но мучительной. Однако, вопреки всем законам, этого хватило, чтобы проскочить вторую форму и сразу трансформироваться в третью.

Прямо на глазах два обломка кости соединились, крепко спаявшись в единое, подернулись маревом и через миг скреблись уже полноценной лапой, которая ощупывала все вокруг в поисках, куда бы присоединиться. Нашарила тонкие кости и будто втянула в себя, выращивая чуть ниже запястья нечто, напоминающее сегментарный хвост. Через минуту хвостов было уже двенадцать, каждый двоился на конце, а основа растолстела до полуметра в поперечнике. Тварь продолжала притягивать к себе новые и новые кости, превращаясь в жуткое подобие многоножки.

Хруст и треск стоял, как от горящего шифера. Земляные волны мягко перемещались по дну, выбрасывая на поверхность все новые останки. Костяной пазл собирался с небывалой скоростью. Разрозненные хрупкие черепа объединились в единый гладкий коричневый панцирь, краем задели многоножку и тут же прилепились, давая мощную защиту толстеному хребту.

Лука, не отходя от края, потянулся к разгрузке за печатями. Холерное умертвие еще вставало, и можно было рискнуть – накинуть на него сетку, замедлить процесс.

С противоположной стороны рва помигали фонарем.

Подоспел Марк с бригадой. Привлек внимание и, направив на себя луч, просигналил отойти подальше от края.

Лука на всякий случай достал пробирки, приготовил сеть, закрутив не только крестом, но и положив еще пару поперек, и только тогда медленно стал отступать. Хватит ли сил у его печати на холерного Червя – понятия не имел, но полицейскую команду нужно было поддержать.

Марка он знал больше по слухам, и за работой еще не видел. Слухи были разные. Противоречивые. На что способен этот тощий упокойник с обманчивой внешностью вечного студента, Лука предполагал, но точно не знал. Хотя возможная вторая категория, конечно, обязывала.

Бригада оперативно рассосалась вокруг рва, готовясь то ли блокировать, то ли атаковать. Один из младших упокойников, детина размером не меньше пропавшего Чистикова, обернулся и поманил к себе.

Получилось, что встали они аккурат напротив Марка по короткой стороне могильника.

– Марк просит страховать, – клацая зубами то ли от холода, то ли от нервов, пробормотал детина. – Это чего за херня прется?

– Хреново вас учат. Это Великий мертвый червь. *Vermis mortuis*. Есть еще малый, из двух-трех покойников, но это не наш случай, – Лука поборол желание сфотографировать лезущий из земли раритет.

Впрочем, про такое и в его время в учебке лекций не читали – уж больно редкая тварь. Почти как честный политик. Вроде все про него говорят, а никто не встречал.

– У нас стажировка. Пятый курс. Бригаду Марка в область по тревоге сорвали. Мы на подмене. Не хватает людей.

Новости были так себе. Но на фоне происходящего вполне смотрелись. То есть опытных упокойников тут насчитывалось двое, остальные – хор мальчиков-зайчиков. Плохо. Кайн не сказал, что бригада настолько урезанная. Только б стажеры не побежали...

– Твою ж мать под плиту! – Лука всунул здоровяку в лапы готовые покрышки с уже накинутыми сетями. – Рисунок сетки прочитаешь?

Работать по чужим печатям на пятом курсе уже должны уметь.

Габаритный стажер благодарно кивнул, ощупал покрышку и сосредоточился, расшифровывая. Ну, хоть толковый попался.

Лука наскоро слепил еще пару и теперь уже не пожалел для печатей энергии. Вынул из кобуры ругер, проверил обойму.

Марк явно задумал что-то свое: сосредоточенно лепил из темной глины. А как тут не задумать, когда всех активов – стажеры да потрепанный СППшник, хоть и третьего разряда.

Жаль, Марк стоит далеко, не докричишься, а шуметь рядом с растущим червем желания не возникало.

Червь практически собрался и теперь наводил марафет: как магнитом притягивал к себе совсем уж мелочь – кости фаланг, осколки и зубы. В длину он стал метров десять и высотой взрослому мужику по грудь. Четыре основных сегмента прикрывали прочные многослойные щитки, загибающиеся под брюхо. Ног было против ожидания немного – по девять с каждой стороны. Тонкие, каждая заканчивалась когтем. Служили они явно не для перемещения, скорее работали гарпунами. Совсем внизу, по центральной оси, наверное, прятались основные ноги.

Где башка, где хвост – пока не разберешь. Мелочевка, притягиваясь к панцирю, выкладывалась в спиральные маскирующие узоры. С каждой прожитой секундой червь становился все светлее, словно его в чистящую смесь макнули, коричневый цвет на нем вылинял, истончился и перешел в бледно-голубой с прожилками, вызывая в памяти парадный императорский фарфор. Потом стал насыщеннее и перекрасился по бокам в морскую волну.

– Красивая гадина! – шепотом оценил стажер.

Лука кивнул.

Марк поднял вверх руку, готовясь дать отмашку, но червь дал первым.

Глава 4. Настя

Настя забралась на лавочку с ногами, пытаясь сжаться в комок и стать как можно меньше.

Некромант, который ошибся – мертвый некромант. Безусловно, он еще двигается и дышит минут десять, но сути дела это не меняет. Живой упокойник, ошибившийся трижды – зверь, науке неизвестный. Мифический, как йети.

Умирать очень не хотелось. На пятницу планировался поход в кино, подружка обещала познакомить с кем-то приятным и не отягощенным суевериями. Дома в холодильнике ждали загодя приготовленная миска с салатом и тарелка с жареной курицей. Шикарные туфли на среднем каблуке из темно-зеленого бархата с отливом уже три месяца безнаказанно дразнились из витрины и должны были пасть жертвой ближайшего похода в магазин. Какое там умирать, когда столько всего? Да и себя было очень жаль, второй раз за ночь. И маму, которой придется хоронить фарш из любимой дочери. Правда, похороны будут за счет СПП...

Вставший по-прежнему сидел на корточках и внимательно смотрел: то ли думал, как ее сподручнее рвать, то ли решал, с какой части тела начать.

Настя мысленно прикинула подходящую схему сетки, добавила от себя старенькую страховочную заготовку и выставила между скамейкой и клиентом. По идее, без глиня-

ных покрышек, без бумажных заготовок и пробирок у нее не должно было вообще ничего выйти, однако едва заметная паутинка появилась в воздухе и даже решительно упала на клиента. Другое дело, что толку от нее было, как от пластиковых пулек при охоте на тигра: вставший встряхнулся, словно собака, сетка распалась брызгами.

Следовало включать мозги, а вместо них включились голосовые связки и принялись тоненько в такт крупной дрожи подвывать.

– Чего скулишь, дурrrrrа горячая? – хрипло, словно судорогами проталкивая слова наружу, спросил вставший.

Настя от шока тут же заткнулась, но на смену скулежу пришла икота.

В голове завертелось все нажитое за годы работы и изученное в университете. То, что вбивали сначала преподаватели, а потом Лука. Закон третьей формы: не спрашивай, не жди, беги.

Где-то фоном подразумевалось: данная форма разговаривать не способна вообще. Зачем ей разговаривать, если она человека в три секунды на бутерброд мажет?

А этот – на тебе, еще и говорит. И обзывается. Икота совместилась с обидой, и Настя продолжила икать, но укоризненно. От холода окончательно в голове помутилось. Может, перепутала? Может, вторая форма, просто клиента с пролитых на месте составов совсем с глузду снесло, вот он и броней оброс, и глазами прояснился?

Существовало одно серьезное отличие между формами. Насте слабо представлялось, кто, когда и каким путем данное отличие смог обнаружить. И скольким некромантам это открытие стоило жизни.

Жаль, не обратила внимания, когда на плече у клиента каталась – сейчас бы и сомнений было.

Засунув поглубже инстинкт самосохранения, Настя наклонилась пощупать клиента – там, где на шее заканчивалась броня и начиналась плотная кожа с бронзовым оттенком. В конце концов, пока что не убил, вдруг и сейчас пронесет.

Тот отнесся к ощупыванию на удивление спокойно и снисходительно – руку не оторвал. Хотя был горячим как печка. А следовательно, уже без сомнений, третьей формой неживи.

– Вставший, – попадая буквами между стуком зубов, констатировала Настя.

Тот выразительно зыркнул в ответ: мол, ты б еще с градусником подошла, упокойник-новатор.

– Дом гдде? – слова давались клиенту с трудом.

Но давались же. Очуметь можно! Все внутренние органы должны были затронуть необратимые изменения, легких там вообще не было – на кой гранит они тому, кто не дышит?

– Чей? Мой?

Вставший очень по-человечески прикрыл глаза бронированной рукой, давая оценку могучему Настиному интеллекту.

– Там. На Чугунной, номер девятнадцатый. Только ключей нет – на погосте остались. Двери не открыть – я одна живу. Вторые ключи у мамы. А мама уехала на две недели в отпуск. Ключи от ее квартиры тоже там, в рюкзаке. Телефона нет, если звонить – то от соседей, и нужно ждать утра, ночью не откроют. И непонятно как добраться до дома, если я без обуви и куртки.

Разом вывалив все плохие новости, Настя на секунду замолчала, осознавая сказанное, и позорно разревелась.

Вставший издал какой-то звук, будто поперхнулся, и поднялся на ноги. Он был высок и настолько широк в плечах, что закрывал собой целиком вид на перекресток. Потом протянул руку, сгреб Настю за шкурку и закинул себе за спину, неинтеллигентно поддерживая одной рукой под задницу; встряхнулся, распределяя вес, и быстро зашагал вниз по улице.

В начале жилого квартала, избегая света фонарей, свернул во дворы, утопавшие в тени. И перешел на бег.

Одновременно реветь и висеть на спине у ожившего кошмара не получалось. Цепляться за броню было удобно, замерзшие руки не соскальзывали и даже согревались. Держал вставший крепко. Спрятав лицо от холодного ветра за широкой, но мертвой спиной, Настя хотела обдумать ситуацию, но обстановка не располагала: как только формулировка «меня несет на спине третья форма» возникала в мозгу, на Настю нападала нервная икота, она дергалась, рука, поддерживаю-

щая ее снизу, сжималась сильнее, Настя пугалась, и все мысли исчезали.

И так по кругу до самого дома. То, что покойник знал, где Чугунная улица, и помнил номера домов, уже не удивило.

Проблему с дверью, замком и отсутствующими ключами клиент решил кардинально. Заставил показать окна квартиры и, используя швы между панелями дома и оконные отливы, гигантским пауком вскарабкался на пятый этаж. Без усилия выдавил внутрь стеклопакет. Ухитрился одновременно сгрузить окончательно ошалевшую Настю на подоконник и поймать раму, чтоб не разбилась. Вставил ее обратно в окно, заправив до щелчка.

Опять подхватил Настю, прямо в одежде запихнул в душевую кабину, выкрутил оба крана на максимум и ушел.

Только что дверь не хлопнул.

Мокрая, но согревающаяся Настя успела только рот возмущенно открыть, потом стало не до вставшего. Принимать душ в одежде – удовольствие среднее. Пришлось сдирать с себя вонючие и мокрые шмотки и отмываться.

Где-то между шампунем и гелем для душа на Настю снова нашло, но рев закончился быстро – горячая вода способствовала. Ну и мысль, что за дверью ее ждет работа. В прямом смысле этого слова.

Новый нежилец в быту оказался неприхотлив, но заметен. Чтобы это понять, надо было всего лишь выползти из душевой. Кое-как отогревшись, отмывшись и замотавшись во все

имеющиеся полотенца, Настя осторожно прокралась в кухню. Вставший распоряжался там, как у себя дома: зажег газ, кинул на сковородку разогреваться вчерашние макароны с курицей и теперь методично крошил туда лук.

При ярком электрическом свете получилось рассмотреть его в подробностях.

Этот клиент был красивым.

Настю всегда удивляло, как из обычного, по сути, покойника и, мягко говоря, не сильно эстетичной второй формы выворачивается такое. Иногда третья форма была чистым произведением искусства. Или ночным кошмаром авангардиста. И неважно, сколько ног в наличии. Не зря же античные скульпторы ваяли своих богов, беря за основу именно вставших.

У кого-то из древних есть даже целая глава в мемуарах, посвященная тому, как для изготовления статуй для дворца были убиты и подняты семь воинов-олимпийцев. Статуи и вправду вышли – загляденье: атлеты вывернулись на четыре ноги, в собачью форму – мужские тела с львиными лапами. Сфинксы. Заодно и с жертвоприношением разобрались, когда вставшие разрушили клетки и погуляли по дворцу. Совместили приятное с полезным. Кстати, больше не рисковали. Вплоть до Ренессанса. Ваяли чаще всего с фантазий да с зарисовок некромантов.

А теперь вот зарисовка курицу разогревает.

В тепле броня высохла и посветлела. Стали заметны дета-

ли. Да, больше всего клиент походил на рыцаря – ну, если бы рыцарь и доспех вдруг стали единым целым. Пластины были и защитой, и кожей одновременно, истончались только у шеи, придавая ей подвижность. Корона, высыхая, спрессовалась плотно, прижав то, что казалось волосами, к голове.

Лицом вставший походил на картинку-гравюру – линии четкие, резкие, точно рубленные: скулы, надбровные дуги, крылья носа. Гладкие, серо-бронзовые. Дополняли все яркие зеленые глаза, которые при электрическом свете чуть потускнели и перестали отсвечивать. Моргать вставший не мог – век у него было.

Пришлось смириться с сюрреализмом на собственной кухне и заняться собой: щеголять перед вставшим замотанной в розовое полотенце было неловко, да и перед людьми, которым потом тело осматривать, неудобно.

В итоге готовы были одновременно – Настя, переодетая в джинсы и футболку, и кулинарный шедевр. Вставший неловко сгрузил макароны на тарелку, погнув при этом сковороду, шваркнул рядом хлеб и миску с салатом. Потом за шкирятник усадил Настю на табуретку и показательно ткнул бронированным пальцем в тарелку.

Сам уселся напротив и с видом бывалой бабушки начал сверлить взглядом недокормленную внучку. Насте кусок в горло не лез от такого пристального внимания. Она осторожно отложила вилку и, уставившись в макароны, приготовилась поговорить.

Вставший успел первым. С явным трудом вытолкнул из себя:

– Не трону. Слабая. Ешь, – тут клиент закашлялся и выплюнул в подставленную ладонь ком земли. И, кажется, еще гравий.

Настя поняла, что уже не голодна. Совсем. Ни капельки.

– Там буду, – рыкнул вставший и мотнул головой.

Отросшие мокрые патлы, которые не прижимала костяная беспрестанно растущая корона, хлестнули по щекам. Еще раз начальственно ткнул пальцем в тарелку и вышел из кухни. Двигался бесшумно и мягко, как огромный кот, хотя весил, наверное, больше сотни точно. А как называют огромных кошек? Правильно, Анастасия, тигры. И тебе на нем верхом скакать, покуда не скинет и не сожрет.

– Макароны, – сама себе напомнила Настя. Еще не хватало, чтобы внутренний голос тут Луку копировал. – Помирать лучше на сытый желудок.

Очнулась она, ставя пустую тарелку в посудомойку: видимо, уровень стресса был настолько высок, что порция, рассчитанная на двух здоровых мужиков, влезла в одну худую некромантку.

Настя вытащила с полки пару чашек, кинула внутрь пакетики с чаем, сгрузила их на поднос, добавила сахарницу и пошла изображать радушную хозяйку перед покойником. Он-то ухитрился позаботиться о ней уже четырежды: с погоста вынес, домой дотащил, в квартиру запихнул, поесть при-

готовил. Даром что вставший.

Последний раз по отношению к Насте столько заботы проявлял ее парень. Правда, там все радостные события – тоже числом четыре – растянулись на три месяца и закончились попойкой с подружками и мрачными выводами.

Так что пусть будет чай. С сахаром. И печеньем. Шмякнув на поднос пачку крекеров, Настя решительно потащила в комнату – благо в квартире, кроме кухни, санузла, прихожей и комнаты, больше прятаться было негде. По мере приближения к двери уверенность таяла, в итоге на пороге она застыла совсем уж жалко – с подпрыгивающим в руках подносом, на котором истерично позвякивали чашки.

Вставший сидел на полу, обложившись ее учебниками и тетрадями. Он распотрошил все, что было связано с работой. Запасы составов, листы с пентаграммами, блоки глины, законченные тренировочные покрышки с занятий, почеркушки на салфетках – все равномерно расположилось вокруг него.

На коленях он держал раскрытый справочник по некроделу Федорова, издание последнее, исправленное. Настя в свое время в него заглядывала только для списывания тезисов – талмуд был настолько всеобъемлющ и подробен, что сон накатывал на втором абзаце. И согласитесь, есть разница между сказанным на лекции «печатай покрышку хлопком, словно комара бьешь» и написанным у Федорова «при изготовлении начальной формы младшей закрывающей пентаграм-

мы в физическом исполнении, так называемый аверс, применять значительные физические усилия нецелесообразно».

Вставший бросил на Настю короткий взгляд исподлобья и ткнул пальцем в диван, приказывая сесть и не отвешивать, а потом заметил поднос у нее в руках. На неподвижном статуэточном лице промелькнуло что-то вроде удивления, во всяком случае, броня на лбу приподнялась вверх.

– Это чай. Ты гость, и я принесла тебе чай, – пояснила Настя, уже устав от идиотизма, происходящего вокруг, но покорно опустилась на диван. – И печенье.

Вставший издал какой-то странный звук, что-то вроде кашля. Может, засмеялся или опять чернозем внутри застрял. Потом встал с пола и уселся рядом с Настей, засыпав обивку застрявшей между пластинами землей.

Теперь, когда первый ужас немножко отпустил, Настя нашла в себе мужество не шарахнуться в сторону, а остаться на месте и внимательно рассмотреть клиента.

Вставший, скорее всего, был молод. И да, определенно очень красив. Костяных королей до этого приходилось видеть только на картинках. Последнее изображение, которое попало на глаза, было из тридцатых годов – в Париже у местных упокойников что-то пошло наперекосяк. Мутная фотография широкоплечего существа с огромной короной на башке, которого на расстоянии сопровождали два сгорбленных семируких валета. Подойти ближе и сделать четкий снимок фотограф не рискнул, ему и за такой-то памятник

следовало поставить.

Видео с остальными формами нежизни существовали: арахны, змеи, звероформы. Да, и еще замыленное черно-белое видео с Малым червем. Кстати, от первоначальной внешности клиента тут ничего не зависело. Бабушка-филолог, уж на что божий одуванчик, а вывернулась в волчье подобие.

А тут – король. Редкий случай, когда тело почти полностью остается человеческим. С излишествами, безусловно, но без явных дополнений.

Например, валеты, которые встречались куда чаще, были кошмарны – одни только клешни, отсутствие голов и живые булавы чего стоили. Дамы были прекрасны лицами, но почти всегда отращивали лишние руки, а в части случаев – еще головы.

Короли были диковиной, чем-то сродни пролету кометы Галлея: то есть описание в учебнике имеется, а видели ее последний раз при царе Горохе и не факт, что трезвыми глазами. Дополнительных конечностей не имели и больше походили на фэнтезийную картину – только круглого стола не хватает и меча в камне.

Легенда. С доставкой на дом.

Уже сухие каштановые волосы (если это были именно волосы, в чем Настя сомневалась все больше) оставались масляно-блестящими: не распушились, а тяжелыми завитками спустились на плечи. Броня охватывала лоб подобием венца – несколько крупных пластин сходились с обеих сторон

и замыкались по центру ромбом. Брови отсутствовали. Глаза, большие и выразительные, словно нарисованные, с яркой прозрачно-зеленой радужкой и пульсирующими звездочками зрачков. Тонкий прямой нос, очень широкие, словно высеченные из камня, скулы, на которые заходили пластины брони. Бледные, но полные губы. Чуть усеченный, опять-таки из-за закрывающей шею брони, подбородок. Рыцарь без страха и упрека. Айвенго, чтоб его!

По корпусу броня шла волнами, действительно как цельный доспех. Настя насчитала четыре слоя на груди и спине. Сразу про себя прикинула – такую не прошибешь и автоматной очередью. Тройная на бедрах и двойная, более подвижная, на руках, стопах и голених. Пальцы оставались ловкими – там был всего один сегментированный слой, светлее и тоньше остальных. Весь «доспех» несимметрично украшали острые на вид шипы, иногда ветвящиеся, словно олени рога. У каждого рога навершие постепенно истончалось, пока не превращалось в иглу.

Настя задним числом удивилась, как он так ловко донес ее на себе, не проткнув ни одной из них?

Рассматривать короля было жутко и захватывающе одновременно. Постепенно «жутко» таяло, и на смену нормальному человеческому страху от вида вставшего приходил ненормальный интерес исследователя. Хотелось потрогать, зарисовать, сфотографировать. Авантюрист внутри Насти с разгромным счетом побеждал профессионала.

– Зачем тебе материалы?

Клиент поднял с пола одну из тетрадей, карандаш и попробовал что-то написать, но не рассчитал: карандаш, жалобно хрупнув, сразу сломался. Настя достала маркер – в бронированной руке он держался лучше, правда, расход бумаги возрастал, и писал вставший как курица лапой. Впрочем, в его положении плохой почерк – последнее, на что стоило жаловаться. Вставший был разумен, при памяти и желал общаться. Все три фактора ставили привычную картину мироздания с ног на голову.

«Нужно закрепить форму и память», – печатными буквами красовалось на листе.

– У третьей формы нет памяти. Это на второй срabатывает, если у нее что-то не так, и то через раз, – на автомате отбредхнулась Настя и только потом поняла, что ей предложили.

Вставший, который собирается работать сам с собой на упокой, – это даже не безумие, а чистый сюрреализм.

И откуда обычному человеку, хоть и мертвому, знать принципы печатей упокойников? Некроманты – самая закрытая для зевак каста. Хуже физиков-ядерщиков. У тех хоть видно, когда эксперимент не удался. А тут, если нет таланта – ничего не увидишь: ни печатей, ни сетей.

– А ты знаешь, как?

Вставший хмыкнул и вновь уселся зловещей совой в гнездо из учебников. В тетради осталась надпись: «Знаю. Найди

лекции Петровского. Если есть. Если нет – достань».

– Это которого размазал в тридцатых в Маньчжурии бродячий погост? Цикл «Подъем и сопутствующие явления как природный сбой»? – уточнила Настя.

Вставший кивнул. С задержкой – удивился, должно быть. Книжка была редкой, а автор малоизвестным.

Настя полезла в недра стола и вытащила тонкую брошюрку в потрепанной обложке.

– Держи, – шмякнув искомое поверх книжной стопки, Настя плюхнулась на диван, залпом выпила гостевой чай и обреченно захрустела печеньем. А потом до нее дошло, и печенье встало поперек горла.

Тут пахло покруче, чем пошедшим по плите подъемом клиента. Не мог ее простенький состав такого выдать. Рвануть мог, руки оторвать мог, а такого – точно не мог, хоть литрами смешивай. И бабушку она поднимала прицельно, никого рядом не зацепила. И в выворот клиентка пошла не по Настиней вине, а ведь что-то она там говорила про «странное вокруг»... Может, ее спаситель и есть странное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.